

Виталий Лиходед

Ведьма

A woman with long, straight blonde hair is seen from behind, walking away from the camera through a field of tall, green grass. She is wearing a light-colored, sleeveless dress. The background consists of a dense line of trees under a bright, hazy sky, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is serene and somewhat mysterious.

ВЕДЬМА

1

В начале лета Вадим выпросил на работе отпуск. Он без сомнений бросил городскую суету. Сошел на станции с поезда и решил идти в деревню через поле пешком. Деревенский воздух разрывал душу. Вадим снял ботинки и пошел по утоптанной тропинке к знакомому дому. Первым его заметил сосед:

— Привет, Вадима! Ну что, отдохнуть? — и, сморщившись, добавил: — Не приставай ко мне! Я пить бросил! — так он всегда напоминал, что нужно проставиться за проезд. Увидев соседку, тетку Вадима, как резанный заорал:

— Шура! Твой Нежадный приехал!

Тетя Шура всегда была рада племяннику. Он единственный любил деревню. Приезжал и всегда помогал. Колл дрова и ходил за компанию в лес. Ничего не жалел и старался гостить так, чтобы не обременять.

Тетка удивлялась его постоянному желанию что-то делать. До нее не доходило, как это можно весь день чинить крышу, устать, но при этом отдохнуть и быть счастливым. Она также не понимала, какой отдых в перекапывании огорода.

Тетя Шура отмахивалась рукой, смеялась. Утром с улыбкой говорила: «Если опять захочешь отдохнуть, ната-скай воды в баню». Вадим, довольный, закатав спортивные брюки, бегал к колодцу и набирал ледяную воду.

Босыми мокрыми ногами он семенял по пыльной дороге и, естественно, улыбался до ушей. Денег тетка не брала и всегда обижалась, когда племянник хотел что-то купить для нее. А сама, вот натура, каждый раз, когда он уезжал,

умудрялась всунуть в карман сто рублей. Чтоб купил себе что-нибудь нужное на память.

Приходилось ей и оберегать племянника. Она часто прогоняла от дома деревенских мужиков. Знала, что они выпросят у Вадима на бутылку и не отдадут. А он и не спросит. Именно за это он и получил в деревне прозвище Нежадный. Иногда процедура выживания денег Вадиму нравилась. Он видел, как собираются у дороги мужики. Совещаются, придумывают план. Потом один обходит огород, где тетка что-то сажает, и прячется в кустах.

Вадим десятку приготовит и ждет, когда самый решительный из засады к чердаку прорвется. Второй мужик в это время подходит к воротам и тетку зовет. Отвлекает ее специально.

Каждый раз повод у них железный. Этого не отнять. К тете Шуре всегда по делу приходят. Пока она к воротам идет, первый бегом через забор, огород — и сразу на чердак. Знает, где Нежадный в жару отдыхает. Иногда поздороваться не успевает. Только и слышно:

- Вадима! Ты где?
- Здесь.
- Дай чирик? Не, два!
- На!

И сразу бегом, обратно к дороге, забывая поблагодарить, чтоб тетке не попасться. Она хоть и женщина, но так отвесить может, что мало не покажется.

Каждый год Вадим отдыхает в деревне. Не любит он ни Крым, ни курорты, ни санатории. У него здесь все сразу: лечение и отдых. Но однажды произошло то, что перевернуло всю его жизнь.

2

В старый дом, что стоял напротив, въехала семья переселенцев. Детей у них не было. Купили они этот домик дешево. Хозяева хотели продать его на дрова. Они отремонтировали его и стали жить.

Откуда приехали эти люди, никто толком не знал. Это было неважно. Семья была русская и, в общем-то, ничем от всех остальных деревенских не отличалась.

Мужа звали Семен. У него был свой старенький трактор «Беларусь». Его сразу взяли трактористом на ферму. Его жена Дарья дома и в огороде работала. Никто на них внимания не обращал. Однажды приехали к Даше люди. Издалека прибыли. Долго ее искали. Они рассказали, что Дарья очень хорошо людей лечит. Привезли показать ей девочку.

Деревня есть деревня. Эта новость тут же пролетела по ближайшей округе. Сначала люди отнеслись к этому холодно. В каждой деревне всегда свои знахарки есть. За глаза они говорили: «Сейчас всяких шарлатанов пруд пруди!» Но постепенно Дарья доказала людям, кто она.

Первой она помогла местной медсестре. Ходила девка вся в прыщах и считала, что из-за этого не может выйти замуж. Даша ей травки в лесу нарвала, заварила, и прыщи прошли. Весной эта медсестра замуж за сына местного фермера вышла. Вот и не верь после этого.

Все бы было хорошо, да только Семен стал выпивать. Не мог он пить как остальные. Он пил один. Начал это дело как раз с тех пор, как Дарья людей лечить стала.

Придет усталый с работы. Трактор у калитки бросит. Посмотрит, что в доме у них народ толпится. Возьмет бутылку. Сядет на лавочку у забора и выпьет ее один. Лучком да помидорчиком закусывая. Все это видели, но ничего не говорили.

А как только появляется в Семене пьяная дурь, выгоняет жену из дома на дорогу и бьет при всех. Да так бьет, что Дарья кровью умывается.

Бабки пару раз хотели помешать, но не смогли. Он на них как гаркнул — все разбежались. Соседи тоже не вмешивались. Побаивались его.

Семен от природы был сильным. Однажды заднее колесо от трактора в поле на спине принес. Трезвый он всегда молчит, а как выпьет — дурак дураком.

Вадим Дарью сразу заметил. Она была стройная, красивая, и даже старенькое ситцевое платье не могло ее ис-

портить. А ноги! Вот идет по лужам в сапогах, а смотришь и не налюбуеться.

Ее длинные русые волосы и карие глаза околдовали городского парня. Как-то вышла Даша после бани к калитке. Румяная. Глаза горят. Увидел ее Вадим, и что-то в нем вспыхнуло. А она улыбнулась и в дом ушла. Это мгновение, ее светлую улыбку и разруганные щеки он навсегда запомнил. Каждой клеткой своего тела почувствовал ее тепло и нежность.

Сердце сначала билось через раз, а потом вообще остановилось. После этого Вадим весь день на чердаке прятался. Думал, что соседи заметят, как он глаза от Даши прячет. Боялся навредить ей. Она ведь женщина замужняя. Да к тому же в деревне живет. Зачем ей такая слава?

Вадим пересилил себя, вышел во двор как ни в чем не бывало. Но в этот же день понял, что проникло в него вместе с ее лучезарным светом еще что-то.

Он услышал внутри себя голос, тот кричал — стой! Этот крик с каждым днем рос. Вадим стал успокаивать себя: она деревенская, как ее в город увезти? А потом, Семен, он не отдаст.

Боролся с этим криком и чувствовал, что может победить его. Теперь в его жизни было практически все: деньги, квартира в городе, хорошая работа. Он задавал себе вопрос: почему он не может жениться на такой красивой девушке? И сам себе отвечал: могу!

В нем появилась решительность, и она приказывала: «Иди и не слушай какие-то голоса. Ты парень видный, всего тридцать лет. У тебя красивые темно-русые волосы, голубые глаза. Нос, как положено, чуть-чуть курнос. Не парень, а загляденье. Сменил костюм с галстуком на рваные джинсы и футболку, все — свободен, хватайте его! Если расслабишься и будешь как птица, там, в облаках, вы обязательно встретитесь».

Но потом приходили мрачные мысли: лицо становилось отекающим, волосы обычными, неприметными, а голубые глаза тускнели. Откуда-то вываливался животик да второй, совсем маленький подбородочек. И как после этого

подходить к ней, живущей в раю, с дурацким предложением уехать в страну асфальта и тяжелого грязного воздуха?

Но надежда не умирала — она напоминала, что шанс всегда есть. Маленький, где-то спрятанный. Его нужно только отыскать. И тогда она вдруг увидит, как ее любят. И тоже почувствует в себе огромное распирающее душу чувство.

Вадим не знал, что делать. Придумывал варианты, чтобы все были счастливы, и Семен, и Даша, но, вернувшись на грешную землю, понимал, что это всего лишь фантазии. Что произойдет в жизни, никто не знает.

Тетя Шура, увидев, что Вадим стал прятаться, сделала вид, будто бы ничего не замечает. Он понял, что эта женщина все чувствует, ведь в этом мире ближе и роднее ее никого не было.

Со своего боевого чердака Вадим часто наблюдал за Дашей. Ему казалось: взяли девочку-модель из самой престижной студии самого дорогого журнала и за что-то наказали. Надели ей на ноги резиновые сапоги, выдали платье времен застоя и дали в руки ведро.

Но даже в таком виде ее невозможно было испортить. Деревенские парни засматривались, но не подходили. Семен никого не подпускал и за малейший намек мог так врезать, что дурные мысли навсегда покидали головы тех, кто на что-то надеялся.

Даша продолжала лечить. Денег она не брала. Люди приносили самогон. Его брал Семен. Напивался, а дальше просыпалась в нем злость. Даша молча все это терпела.

Как-то вечером Вадим сидел на лавочке и смотрел, как в небе появляются звезды. В деревне их столько — кажется, что все звезды специально собрали здесь. Они закрывали все небо и делали его светлым. Лишь кое-где пробивалась ночная тьма.

На улицу вышла Даша. Посмотрела на соседа и мило улыбнулась. Теплый вечер должен был смениться ночной прохладой. Вадим застеснялся и ушел в дом. Посмотрел в окно и увидел Семена. Он подошел к Даше. Что-то сказал. Схватил ее за руку. Ну а дальше началось...

Вадим увидел, как пьяный муж избивает жену. Не выдержал, выбежал на улицу. Тетка, как чувствовала, укалитоки остановила его.

— Их семейное дело! Сами разберутся! Не лезь! — прикрикнула она.

Вадим замер как вкопанный. Долго смотрел он на Семена, а тот на него. Увидел, как в его глазах кипит ярость. Семен заметил это и сразу остыл. Схватил Дарью за руку и утащил в дом. Больше в этот вечер криков не было. Они погасили свет и тихо легли спать.

Вадим не ожидал от себя подобного поступка, а уж тетя Шура тем более. С того вечера в сенцах появилась кочерга. Он спрашивал тетку, зачем она вынесла ее. Место этому предмету у печи. Там она лет тридцать простояла. Но тетя Шура отвечала философски: «Пришло время и ей послужить. Глянь, какой черенок крепкий — дубовый».

Вадим понимал, что это боевое оружие для его защиты. Кто знает, что придет в голову пьяному мужику в следующий раз? Ему ведь точно не понравилось, что ее племянник так дерзко выскочил и угрожающе посмотрел ему в глаза.

После этого Вадим старался не смотреть на избиения, а Семен, как нарочно, раз в неделю устраивал побоище. Даша кричала, Вадим каждый раз рвался заступиться, но тетка, верный страж, останавливала его.

Однажды Вадим принес дубину. Ходил за грибами, а нашел ее. Увидел и сразу о Семене подумал.

Он принес дубину домой на виду у всех. Тетка промолчала. Люди, пришедшие к Даше, отвернулись, а она залилась красивым звонким смехом. Вадим покраснел и спрятался на чердаке. В этот же день дубина странным образом исчезла.

Два дня Вадим пытался узнать, куда делось его оружие.

Потом оставил эту затею. Никто не признался. Пришлось поверить в домового, так как другого объяснения не было.

И вот однажды с ним произошло что-то необычное. Возможно, Семен слишком много выпил, или водка ему попалась паленая. Вытолкнул он жену на дорогу и стал избивать. Даша не выдержала и каким-то нечеловеческим го-

лосом завывала, как раненая волчица. Этот крик вырвался из ее уставшей души.

Вадим не выдержал. Вышел из дома. Увидел лежащую в грязи Дарью. Смело шагнул вперед, чтобы помочь, но тут же остановился. Вернее, ее взгляд остановил его.

Эти огромные карие глаза смотрели откуда-то из темноты прямо в его душу. Он почувствовал холод и дрожь. Попытался разорвать взгляд, но не смог. Где-то внутри себя услышал еще один крик: «Помоги!»

Он бросился вперед и упал в грязь рядом с ней на колени. Не понимая, почему, стал стирать липкую кровавую грязь с ее нежных рук.

Довольный Семен ушел пропустить очередной стакан самогона. Увидев Вадима, вернулся. Встал и готов был ударить его, но тут вмешалась тетка. Она как будто выросла из-под земли и с криком накинулась на тракториста.

Ее слова, как стрелы, впивались в уши и сознание. Разобрать их было невозможно, но сам тон, высокий и пронзительный, сшибал с ног.

В этот раз тетка спасла Вадима, но он понял, что драки между ними не избежать.

Утром Семен, конечно, извинился, но Вадим знал: все его извинения утонут в первом же стакане самогона. Он обязательно выпустит всю свою природную дурь. Осталось только ждать.

3

На следующий день Вадим проснулся рано. Вышел к колодцу. Увидев тетю Шуру, спросил:

— Привет, как дела?

— У меня-то все дела уже переделаны. А ты что? Семен из головы не выходит?

— При чем тут Семен?

— Он сон твой прогнал. Но ты не бойся, я не дам. Может, к ней сходишь. Она успокоит. Руки у нее знаешь какие?

- Какие?
- Такие. Она все чувствует. Все лечит. Сходи!
- Да не верю я во все это.
- Весь в отца! Тот тоже в церковь не ходил. Всю жизнь партбилет в кармане носил, и ты такой же.
- Нет. Я лояльный. Ко всему отношусь спокойно.
- Шандарахнет по башке, сразу поверуешь. Все так говорят, а потом в церковь бегут, спасения ищут! Бог — он все видит: и хорошие дела, и плохие. Вы там в своем городе коркой обросли. Тебя хоть сюда тянет, значит, что-то еще осталось, а другие приезжают такие все из себя. В глаза глянешь, а там грязь! Живут как звери, день лаяться, а ночь как кошки... Днем снова не уступят друг другу. Вон этот, к Таньке Рубакиной приезжает, — ученый, очки носит. Утром с женой два часа друг на друга орал, кто из них в магазин пойдет. Жена-то покрепче оказалась. Он, злыдень, пошел, да только хлеба и водки набрал. Специально ведь не купил то, что она просила. Это ж сколько надо злости иметь, чтоб так ненавидеть. И зачем мучаются?
- Но живут же?
- Да, живут, Бог им судья. Но это тоже не жизнь, когда друг у друга ее отнимают и каждый день себя в гроб загоняют.
- Сейчас все так живут. Нормально это.
- В церковь вы не ходите, вот и беды ваши отсюда.
- А что ж Семен? И в церковь ходит, и весь такой правильный, а жену как бьет!
- Твоя правда. Бьет. Да только все это водка. Она людям мозги затуманивает. А ваши городские трезвые хуже пьяных — злые, весь мир ненавидят. А ты все ж сходи к Даше. Девушка она добрая.
- За нее боюсь. Мы подеремся — это понятно. А ей как достанется?
- Это если он пьяный будет, а трезвый что? Он тебе и слова не скажет. Семен все в себе держит. Вот ему тоже доля досталась: ни жены, ни семьи. Одни люди с утра до вечера, и всем надо. Тут, конечно, любой не вытерпит. Не дом, а проходной двор. Вот он и пьет, наверно, поэтому.

- Наверно. А ее мне жалко, красивая она очень.
- Э-э, парень, да ты, я смотрю, неровно дышишь.
- Дышу, тетя Шур, неровно — плохо мне.
- Тогда тебе к ней вдвойне надо.

— Надо, но не пойду. В лечения я в эти ваши не верю — бабкины сказки! Нет, травы — это да! Я и сам иногда в аптеке что-то на травах покупаю. Фитотерапия — это правильно. А то, что мне в ухо нашепчут, или рукой потрогают, или что-то дурацкое сделают, — пойми — смеяться не хочу — не понимаю.

— Вон, видел, у Даши в доме девчушка рыжая полы мыла и двор подметала?

— Видел. Смеется она громко.

— Да, да. Так вот ее зимой отец недвижимую принес. Дом продал, два года по врачам возил. Они сказали — растение, ничего не слышит, ничего не понимает, — все! Готовься, говорят, хоронить скоро придется. К ней принес, она ему честно: кто ж за ней ухаживать-то будет, а отец говорит — я сам, а она ему: я тебя в дом не пушу, у меня муж есть. Он весь день ее уговаривал. Согласилась. Дочку вечером на печь положит, а утром снимет и сам уходит. В сарае всю зиму жил. А она у нас, сам знаешь, холодная. Что дальше стало, сам видел и слышал. Вот и не верь после этого. Я по этой девчушке сама слезы плакала, когда он ее, как куклу, принес. А сейчас не нарадуюсь и готова для Дашки все, ну все сделать. Вот тока Семен — беда. И она всем кричит: «Не трогайте его. Кто хоть слово про него плохое скажет или в милицию заявит, на порог не пушу. Помирать будете — помогать не стану. Не троньте моего Семена, и все тут». А нам какво смотреть, как он ее каждый раз на людях калечит? Вот те любовь. Вот если бы вы... Ну все б для вас сделала.

— Что если б мы? — возмутился Вадим.

— Э-э, дурень! Пойду в огород, дел полно. А ты давай думай своей головой-то умной.

Тетка до калитки дошла, постояла. Посмотрела на племянника. Вздохнула и в дом к Даше отправилась.

Вадим через дорогу перебежал и за тополями спрятался, чтобы подслушать их.

— Даша, ты как, занята? — крикнула с порога тетя Шура.

— Нет, проходите. Всем сказала, чтобы сегодня не приходили. Я отдыхаю. Видела вас в окно. С племянником, что ли, поругались?

— Да нет, добрый он у меня. Я с ним никогда не ругаюсь. Вот тока это... Глядит он на тебя, сама, наверно, знаешь.

— Да знаю, знаю! Ой, тетя Шур, беду чувствую. Дура я! На что надеюсь?

— Даш, ты, никак, тоже, что ль?

— Ага, тетя Шур, тоже.

— Вот те на-а-а! А что, парень он видный, воспитанный. Зарабатывает хорошо. Была жена, так развелись они. По глупости в институте женился, а она к другому убежала. Уже двоих родила. Люди говорят, жалеет, что ушла. У них в городе все не как у людей. То любят, то не любят — не поймешь.

— Жалеет она потому, что хорошего человека бросила, — я это знаю.

— Откуда?

— Ну, знаю, и все, — отвернулась Даша.

— Ну и что ты надумала?

— Ничего. Я к нему первой не пойду. Он что сам? Меня боится?

— Боится, боится. Любит он тебя. Ты ж все знаешь. Неужто не видишь?

— Да вижу, больше, чем надо, вижу. Такой вот любви и боюсь — злая она. Беда за ней стоит. Хороший он человек. Не могу я ему плохое причинить. Поэтому ничего и делать не стану.

— А муж твой?

— Семен, что ли?

— Ну?

— Напьется, а через неделю доярку какую-нибудь приведет. Он их там, на ферме, всех обхаживает.

— На кой тада тебе он?

— С Семеном нас другое дело держит. Я его не могу бросить, а не он меня. Нужен он мне.

— Ну и на кой он тебе нужен — драчун? Сколько ты от него терпишь?

— Теть Шур, я ж вас просила. Не надо об этом. Нужен, и все! Не спрашивайте. Какой-никакой — мой! Тяжело мне с ним, но по-другому никак. Не спрашивайте, беда это моя.

— Ну ладно, все, молчу. А что ж с вами-то теперь делать? Вадимка мой за тобой с чердака дрожит, а ты, значит, в окошко на него вздыхаешь.

— Вздыхаю.

— А дубину небось ты взяла?

— Если бы он за нее схватился — убил бы его и сел бы в тюрьму. На этой дубине уже одна смерть есть. Кого-то ею насмерть забили и в лес выбросили. А он, не зная, подобрал. Я-то сразу заметила, что на этой дубине кровь. Взяла и в печи ее сожгла.

— Я так и подумала.

— А он что решил?

— Ничего, забыл. Сказал, что домовый забрал.

— Эх, смешной он. Хороший такой. Смотрит на меня со своего чердака так, что у меня все из рук валится.

— Ну а что ж ты? Дело-то молодое. Вон на сеновал, чтоб не болело-то внутри. Даш, ну будь ты посмелее. От него не дождешься.

— Не могу. Все могу, а это не могу.

— Э-ка, как оно тебя зацепило. Ну, девка, ты даешь!

— Еще не даешь, случая не было.

— Да случай-то что? Встретились, поговорили, глядишь, и договорились. Я знаю, что нужно. Ладно, все. Доверься, я все устрою.

— Теть Шур, подождите! Страдать он будет от меня.

— Да что ты, глупая, Господи! Чего это он страдать-то будет. Любит он тебя, изводится. Что может быть хуже?

— Может. Злая эта любовь. Поверь, мне нельзя так влюбляться.

— Ладно, хватит. Ты, девка, вроде не глупая, а мелешь сейчас мне ерунду какую-то. Злая, плохо. Скажи честно: мужа боишься?

— Нет, мужа не боюсь. Я вам говорила. Племянника вашего боюсь.

— Здравсте, приехали! И чем же он тебя напужал?

— Нельзя мне, тетя Шур, так влюбляться — нельзя!

— Ерунда! В церковь сходите — все и уладится. Жди! Я сейчас!

Вадим заметил, что тетка уходит. Выбежал из-за тополя и на лавочку сел. Тетя Шура вышла из дома Даши — и к нему со словами:

— Так, хватит тут сидеть горевать. Бери сумку! Даше в магазине нужно сахару купить. Килограмм десять, а может, и двадцать. Донесешь?

— Донесу.

— А то велик возьми. На раму привяжешь и вези спокойно.

— Да я так донесу, вот только переоденусь.

— Давай быстрее. И не бойсь, я за вами пойду.

— Зачем?

— А затем. Вдруг Семен откуда узнает. Деревня знаешь как? Не успеешь в одном конце сказать, а на другом уже переврали. Не бойсь, вы меня не заметите. И это... в общем, она тоже.

— Что тоже? — для видимости переспросил Вадим.

— Ну, мужики? Вам все разжуй! Что, не понял? — буркнула тетка.

— А вы ничего не перепутали, тетя Шур?

— Иди уже переодевайся. Бестолочь.

Вадим вошел в дом. Снял спортивные штаны, надел джинсы и чистую футболку. Взял сумку. Вышел и чувствует, что не может через дорогу перейти. Стоит на месте, и все. Чувствует страх. Тетка помогла. Схватила за руку и потащила к дому Даши.

Расстояние небольшое, через дорогу несколько шагов.

У Вадима ноги затряслись, в голове все перепуталось. Возможно, это состояние случилось оттого, что он осознал сказанные Дашей слова: она тоже его любит и призналась в этом тетке!

.....

Душа летела, рвалась, а ноги, словно ватные, идти не хотели. Тетя Шура ругала меня, обзывала любя такими обидными словами, но я все равно не мог. А она тащила и не выпускала моей руки. Перешагнул за калитку, и страх, как нечто воздушное, выветрился. Мне стало легче. Дальше я мог идти сам, но тетка не отпускала. Я для себя сразу решил: не смотреть в ее глаза. Увижу — произойдет то, чего я боюсь. Вдруг она во мне заметит своим взглядом что-то плохое, мой страх. Но ничего не произошло. Я вошел в дом, и первое, что бросилось мне в глаза, — чистота. Народа у нее всегда много, а в этот день никого. Чистота, даже странно как-то. Все прибрано, аккуратно и светло. Не от солнца светло, а от души. Уютно, остался бы здесь, в этой комнате, навсегда. Позже я понял: я почувствовал себя ребенком. Вот так уютно и приятно было мне в детстве, в бабушкином доме. И здесь, у Даши, я испытал давно забытое чувство. Но тогда оно почему-то быстро ушло, и меня снова пробрал страх. В теле еще оставалась легкость, но язык онемел. Тетка все устроила. «Вот, — сказала она, — он тебе сахара из магазина сейчас принесет. Да и ты с ним иди. Купишь заодно все, что надо».

Посмотрела она на меня тогда так, что на моем месте каждый бы понял, что делать нужно: увел бы ее куда-нибудь в лес или на чердак и решил все душевные проблемы. А затем бурное лето втайне от мужа, полное страсти и удовольствий. Любой бы так поступил, но не я. Наверно, именно тогда я сделал ошибку — начал этот роман серьезно, совсем не собираясь пачкать его человеческой грязью.

Даша надела простенькие белые туфли и смешной сарафан с какими-то ужасными рюшками. Я и моды такой не помню, но на ней — все к лицу. Волосы раскинула, улыбнулась, и тут все — я спекся! Готов был весь день сахар носить и исполнять все ее прихоти. Так улыбаться специально не научишься — это только Богом дается.

Вышли мы из дома на дорогу, а тетка мне: «Вы в дальний магазин идите. В нашем-то еще вчера сахар кончился. Я на огород пойду, дела у меня».

А сама вдоль забора прошла и в засаду спряталась. Мы ее сразу заметили, засмеялись. Даша мне тогда сказала, что тетя Шура моя очень хорошая женщина, любит меня, заботится. Эх, знала бы она, сколько всего нам с ней пережить пришлось и скольких близких похоронить. Остались мы на этом свете с теткой одни, беды нас сблизили, и, наверное, поэтому очень бережно относились друг к другу, а со стороны, возможно, это было особенно заметно.

— Да,— ответил я,— любит, но слишком усердно старается. Вас, Даша, она тоже любит. Благодарна за чужую девочку, что вы вылечили. Она вообще очень честный человек и делает все искренне.

— А разве это плохо?

— Это, конечно, хорошо, но, понимаете, как-то не совсем привычно.

Я рассказывал о своей тетке еще минут десять: о том, какая она и как меня любит. Но с каждым шагом тело раскалялось, как металл в топке, душа требовала — дотронься! И я как бы нечаянно трогал ее за руку, она тут же улыбалась, а я зачем-то извинялся. Мы прошли полпути. Закончились последние дома деревенской улицы Поповки, мы вышли к зарослям лозы. Дальше начиналось кладбище. Раньше оно было далеко от деревни, но люди стали строить новые дома, и старое кладбище оказалось в конце одной улицы и в начале второй — Кривовки. Все эти названия деревенских улиц нигде не значились. Официально в деревне была всего одна улица, но для людей их существовало несколько.

У кладбища Даша остановилась, оглянулась, посмотрела по сторонам и неожиданно для меня заглянула в измученную душу. Я испугался и решил, что она увидела мою никчемность. Появилось стеснение и робость, но Даша как будто не заметила этого состояния. Она выпрямилась, внимательно всмотрелась в кладбище, еще раз посмотрела на обратную дорогу и снова остановила свой взгляд на мне. Ее огромные карие глаза были открыты, и я увидел, как в них горит страсть. Даша не просто смотрела на меня, ее взгляд проник в самые потаенные уголки моей души. И там, словно фонариком, она все осветила, рассмотрела и произнесла:

«Давай!» Я все понял, и меня это сильно обидело. В какой-то момент даже что-то рухнуло внутри, но я собрался и стал говорить о том, что люди созданы для чистоты. Такое случается редко, чтобы вот так — разрывая себя — любить. Позже, когда я узнал причину ее слов, я понял, что она просто хотела уберечь меня от себя. Пытаясь исправить положение, Даша произнесла: «Вы мне тоже нравитесь, но и я человек. Знаешь, может быть, я больше твоего мучаюсь. Если хотите, я приду к вам, и не надо ничего объяснять и извиняться. Я просто останусь с вами на ночь». Я понял, что она вся не своя: мучается, и ее душа трепещет передо мной. Ее слова путались. Произносятся резкие фразы, она обращалась ко мне на «ты», а объясняла остальное на «вы». Это еще раз подтверждало ее волнение, но одновременно с этим я понял, что эта девушка умеет быть вежливой и знает, как себя вести. Возможно, Даша когда-то жила в городе и этим отличалась от деревенских. Мужики и бабы в деревне не говорили на «вы» даже с начальством. Для них это было дико. А она путалась. Значит, знала и умела. Это говорило о том, что она не совсем деревенская и, возможно, мечтает вернуться в город. Мне показалось, что я увидел корысть. Но ее голос переливался, радуя меня. Я тут же забыл обо всем плохом, прощал ей все дерзкие слова. Даже не слышал, о чем она говорила, потому что любовался тем, как шевелятся ее губы и при произношении гласных чуть-чуть задирается нос. Ее волосы красиво развевались на ветру, а шея так элегантно вытягивалась, что я чувствовал прилив крови. Услышав последние реплики, я не смог промолчать и разошелся: стал объяснять ей, что есть еще на этой земле нормальные мужчины, не нужно смотреть на нас как на самцов. Даже немного накричал: сказал, что она не права и если я ей тоже нравлюсь, то не нужно наши чувства пачкать такими словами.

Женщина — это не просто загадка, это тайна. В каждый момент она разная, и понять, что будет через секунду или через слово, невозможно. Одна злится, другая влюбляется, а есть еще такие — их реакция не поддается объяснению. Кажется, она, услышав мою нотацию, должна была

как-то осознать неправильность своих слов, почувствовать в себе желание исправиться. Но Даша решила стать еще хуже. Она открыто заговорила о том, что в ее жизни не было такого, как я, мужчины. Она мечтала об этом. Никто ей честно не признался в любви, все врал, и она видела это. А сейчас, услышав искренность моих слов, она решила, что не может просто стоять рядом со мной. Ей нужен был я — весь, от макушки до пяток. Ее страсть вырвалась и тут же рухнула в пыльную дорогу. Возможно, она вдруг поняла, что повела себя со мной неправильно. Обида, что она опять все разрушила, испугала ее. Дарья прислонилась к моему плечу и заревела, как маленькая школьница. И эти слезы, и этот плач были настолько откровенными, что я почувствовал их исток — душу, которая стонала. Но потом все переросло в новый нервный срыв. Даша зачем-то потащила меня в лозу и под ней на сухих, грязных от дорожной пыли прошлогодних листьях стала срывать свой сарафан. Он, как назло, не поддавался. Раньше наши фабрики шили плохо, но крепко. Даша остановилась, вытерла слезы. Глубоко вздохнула, посмотрела на меня огромными, полными страсти глазами и стала спокойно, глубоко дыша, расстегивать тугие пуговицы. Я, как дурачок, прыгал вокруг и кричал: остановись, не надо, ну давай потом, как люди, по-нормальному. Пытался удержать на ней сарафан, а получилось, что я с каждой секундой сближался. Зачем-то стал застегивать пуговицы, а она срывала мои руки и нервно повторяла: «Подожди, постой».

Сарафан улетел и повис на ветвях кустарника. Я бросил сумку и, закрыв глаза, обнял ее. Старался не смотреть в глаза, боялся обидеть. Девушка вытерла остатки слез, посмотрела на меня и спросила: «Ну, что стоишь?» Я почувствовал, как дрожит ее тело, и сдался.

Нет, я не стал нападать, как тигр. Нежно, стараясь удерживать накопившуюся лавину страсти, стал целовать ее, пытаясь оставаться порядочным. Как сладки были эти поцелуи! Как горячи объятия! Нам было плевать, что все это происходит в грязных сухих листьях. Они шуршали, а мы, слившись, улетели куда-то прочь от всего, что нам мешало.

Забыли, что где-то есть боль и страх, стерли в себе стеснение и боязнь и совсем не хотели возвращаться в этот тяжелый и злой мир. В теле проснулась легкость, я наслаждался ее телом, а она мной. Все вокруг кружилось, летало, листья шуршали, и этот шелест придавал какую-то таинственность происходящему. Ее руки были так нежны, и я чувствовал, как они успокаивают. Весь окружающий мир растаял, мы остались одни и провалились в бесконечную бездну. Это падение сменилось полетом, и мы взлетели, оставив грешный мир где-то там, внизу. Ее волосы приятно падали на мои плечи, и я чувствовал, как они легки. Стеснение и робость иногда возвращались, я не верил в происходящее, видел красоту ее идеального тела и не знал, куда деть себя. Но все получалось складно, мы чувствовали желание друг друга и отдавали себя без остатка.

Когда я очнулся и открыл глаза, увидел в небе одинокую луну. Все небо было темным, как будто кто-то украл все звезды. Поднял голову и, посмотрев на старое кладбище и дорогу, вернулся в реальность. Луна в этот вечер странно освещала местность. Все вокруг было покрыто тьмой: я не видел продолжения дороги, а оставшиеся сзади дома превратились в черные тени. Лишь кладбище светилось. Все кресты были видны, и даже оградки с их кованым рисунком можно было рассмотреть. Я увидел эту мрачную картину, мне стало холодно и жутко. Даша прижала меня к себе, поцеловала, и появившийся страх исчез. Вновь все закружилось, и сладкий поцелуй снова опьянил меня. Откуда-то прилетел холодный ветер. Я опомнился, понял, что лежу голый. Нашел свою любимую майку, но одевать ее не стал. Увидев раздетую Дашу, укрыл ее. Погладил ей волосы и прижался к ней, пытаюсь согреть уставшее нежное тело.

Старый разведчик, тетка, как всегда, выручила.

— Вадь, — услышал я ее шепот. — Вадь.

— Ну что еще?

— Я тут вам тулуп оставила, и это, не бойсь, на дороге никого не было. Я тут, ну, в общем, все нормально.

— Нормально, нормально, — прошептал я и услышал, как захихикала Даша.

Тулуп, словно огромная летающая птица, пролетел над кустами и упал в метре от нас. Я подтащил его, и мы, укрывшись им, почувствовали тепло, обнялись и долго смотрели на одинокую луну. Мне хотелось что-то сказать хорошее, но все слова перепутались. Любое высказанное в такой обстановке слово выглядело бы нелепо. Даша тоже молчала, она поглядывала на меня и хитро улыбалась. Затем привстала, нежно поцеловала и произнесла:

— Ну что, одеваемся? Вот видишь, как все просто.

— Что просто?

— Сейчас ты домой, и я домой, а завтра опять встретимся?

Тут мне стало стыдно: воспользовался, и все, что ли? Я уверенно ответил:

— Нет, ко мне пойдем!

— Вот еще!

— Никаких «вот»! Ко мне, и точка!

— А то что, побить можешь? Так я не боюсь этого, привыкшая! — заговорила она по-деревенски. Я даже удивился такому четкому произношению акцентов. Но ее слова, словно та дубина, ударили по больному сознанию. Мне стало стыдновдвойне.

— Даша, прекрати. Прошу тебя, останься со мной, не уходи. Я никого так не любил. Я не знаю, что это.

— Это то, чего я боюсь! Значит, у тебя не прошло? Щемит в душе? А может, все же стало легче?

— Нет. Прости.

— Я понимаю тебя. Но вот ты, видать, меня понять не хочешь. Нельзя нам быть вместе. Любить! Встречаться можно. Семен даже если узнает, я его приструню. Он, если честно, побаивается меня.

— А что ж тогда бьет?

— А это другое. Зачем тебе все знать-то? Хочешь быть со мной?

— Да.

— Вот и ладно. А душу твою мы вылечим.

— Нет. Не трогай ее своими приговорами и заговорами. У меня все честно родилось и пусть болит. Нечего туда

лезть. Но ты учти, заберу я тебя с собой. Не отступлю. Никого я еще так не любил. Отпущу— всю жизнь жалеть буду.

— Эх, какой ты! И не боишься меня?

— Нет. А чего в тебе страшного?

— Действительно, чего? А вдруг я ведьма?

— А ведьма что, не человек? У нее что, на самом деле рога и копыта?

— Нет, конечно, человек. Прямо аж не верится, как ты всего этого не боишься. Я ведь вижу, что голос не дрожит и глаза смелые. А вдруг что с тобой случится?

— Плевать. Разберусь. Я в своей жизни многое повидал. Трусость никогда никому не помогала. Я, если честно, много раз трусил, а теперь все — хватит. Нужно вспомнить, что я мужчина и даже воин. В армии, как-никак, служил, и ничего, выдержал. Хотя трудно бывало. Ну, побьет меня твой Семен. А завтра я его все равно достану.

— Не мытьем, так катаньем?

— Да, что-то вроде того.

— Эх, непросто нам будет. Ладно, пошли, поздно уже.

— Пошли. Если замерзла, надень тулуп, согрейся. Хотя нет, как ты по дороге в нем пойдешь? Люди не поймут.

— Вот именно.

— Давай его здесь оставим. Тетя Шура заберет.

Я выбрался из канавы, отряхнулся, подал руку Даше. Когда она с моей помощью выпрыгнула, я поймал ее и поцеловал. Но, кроме слова «дурак», ничего не услышал, правда, при этом она не вырывалась, и получилось это как-то застенчиво.

Я почувствовал, что она сама хочет уйти со мной, но что-то не пускало ее. Девушка всем видом старалась убедить меня, что идет домой и до завтра никакой любви не будет. Но сердце подсказывало, оно билось вместе с ее сердцем одним ритмом, и я понял: расставаться со мной для нее еще труднее, чем для меня. Наверно, я действительно был первым в ее жизни, кого она полюбила. И эта любовь мучила Дашу не меньше, чем меня. Я не стал настаивать и просто замолчал. Но мне очень хотелось забрать ее в город, убедить, что это лучший выход для нас обоих. Там, в стране

высоких домов, не было Семена, языкастых людей, сплетен и всего, что нам мешало. Именно там, в городе, мы бы смогли полностью раскрыться, отпустить свои сжатые чувства и забыть обо всем плохом. Но чтобы все это стало реальным, нужно было победить что-то другое: не Семена, а нечто неизвестное — то, что находилось в ней. Я почувствовал это, и мой внутренний голос снова напомнил, что придется противостоять тайной темной силе. Она чем-то страшным удерживала ее и не отпускала ко мне. Выстроила невидимую стену, и я не знал, как разрушить ее. Что нужно сделать, чтобы все вокруг рухнуло, исчезло. Мы бы остались одни, свободные в своем выборе и любви.

Всю оставшуюся дорогу мы шли молча. Я пытался взять ее за руку, но она вырывалась и говорила: не надо, увидят. Что-то произошло между нами неправильно. Возможно, я поспешил, забыл, что нужно ухаживать, дарить цветы и хотя бы несколько вечеров тайком встречаться и страстно целоваться, а тут вот так: раз — и все сразу. Вроде бы все решено, и вот она рядом, согласная встретиться, но чего-то большего не хватает, или, точнее, что-то не смогло выйти из меня: оно осталось в душе непонятной болью и неправильным поступком. А мог ли я поступить иначе? Нет, не мог, она сама все решила и подвела меня к такому действию, сломав все преграды. А что дальше? Неизвестность...

Сказав что-то ничего не значащее, мы попрощались и разошлись по домам. Я увидел у ее дома трактор Семена. Почему-то даже сердце не екнуло, а он, как будто чувствуя, пришел через час с бутылкой и предложил посидеть в саду за столиком. Одинокая луна продолжала светить. Лишь одна она да тетка знали нашу тайну. Я согласился, но решил не смотреть Семену в глаза. Он хоть и деревенский парень, а все равно, увидев мои глаза, заподозрит. Его сердце подскажет ему, что случилось. А может, Семен ничего и не поймет. Со слов Даши я понял, что он гуляет от нее и особой любви между ними нет. Меня, конечно, удивило: как можно гулять от такой женщины. Но мой голос снова подсказал, что их связывает что-то тайное. Оно силой удерживает и не разводит в стороны.

Семен принес огурчики и хороший самогон, добротный, без лишнего привкуса и запаха. Выпив бутылку, мы о чем-то заговорили, но разговор не получался. Я чувствовал, как он хочет что-то сказать, предупредить, а может, просто испугать. Нет, я много раз после этого вспоминал этот вечер и по прошествии понял, что Семен хотел предупредить об опасности, остановить. Он видел, что наши отношения с Дашей обретают силу. Этот простой мужик пытался удержать меня от тех мук, что терзали его уже давно. Но мы говорили о его тракторе, о бане, я собирался строить ее, и о том, как я живу в городе, и никак не могли перейти на откровенный разговор.

Я говорил спокойно, почему-то был полностью уверен в себе. Но в его словах звучали другие звуки — это были крики его измученной души, и он, как простой деревенский парень, хотел предупредить, чего стоит вся эта любовь. Семен не смог тогда победить свой страх и промолчал, и даже тот первач, что мы пили, не смог развязать ему язык. Он попытался остаться другом и лишь уже у калитки предупредил:

— Если вдруг я по пьяни с кулаками накинусь — зла не держи. Ты хороший человек, но может так случиться, что я окажусь дураком.

— Да ладно, — ответил я, — все нормально. Разберемся. Между нормальными мужиками всякое может случиться. Зачем зло держать?

— Вот и договорились, — ответил Семен и, опустив голову, ушел. Но я увидел, как он загрустил. Мужик сделал несколько шагов, остановился, обернулся, но так и не смог сказать главного.

Я ушел спать и проспал до обеда. Разбудила меня Даша, она так тихонько залезла на мой чердак, что я даже и не услышал этого. А когда понял, что она рядом, и почувствовал тепло ее тела, растерялся, но тут же проснулся окончательно. Счастливый, обнял ее и долго целовал, не желая открывать глаза. Мне казалось, это сон, а мое видение почему-то очень осязаемо. Сказка продолжалась долго. Тетя Шура дважды грела для нас завтрак, а мы все не могли оторваться друг от друга. Мне было так хорошо с ней, и я чувство-

вал, как она наслаждается мной. Она улыбалась, красиво хлопала длинными ресницами и приставала ко мне снова и снова. Я что-то пытался изобразить, зачем-то поднимал руки, растопыривал пальцы, а почувствовав ее нежные губы, целовал, пока хватало воздуха.

Потом мы все же встали, позавтракали. Тетя Шура испекла пирожки с картошкой и грибами. Я никогда не рассказывал ей о своих мечтах, но она как-то угадала. Когда эмоции немного стихли, я, словно экстрасенс, почувствовал рядом с ней присутствие тени, точнее непонятого сгустка сознания. Оно находилось везде, куда бы мы ни шли. Наблюдало за нами и пыталось управлять. Конечно, я сопротивлялся, старался прогонять дурные мысли. Мне казалось, что я все это выдумываю, но оно напоминало о себе и в минуты слабости уводило за собой, заставляя подчиняться его законам. Я решил, как говорится, забить на это, не обращать внимания. Рядом такая девушка, а все остальное — выдумки, домыслы, игры воображения. Да, дано ей лечить людей, ну и пусть лечит, помогает. А я всего лишь буду рядом. Какой я экстрасенс? Что я могу видеть? Только бред больного воображения. Как прекрасно утопать в море любви, в ласках и нежности. Она всего этого не жалела, так почему же я должен омрачать сам себя, верить, что между нами стоит что-то чужое? Я решил: если во все это не верить, оно ничего не сможет сделать. Стал просто наслаждаться жизнью и каждый день с нетерпением ждал ее прихода. А любовь брала свое, она уводила нас в неизведанный мир и открывала ранее не известные страстные тайны. Чувства то обострялись, то утихали, но они продолжали жить, и, казалось, напиться ими — этой любовью — невозможно. Она рождала неиссякаемую жажду и сближала нас с каждым днем.

«Отбил»

Первая неделя отношений прошла спокойно и одновременно бурно. Мы привыкли друг к другу и угадывали каж-

дое желание. Я старался угодить ей во всем, рассказывал смешные истории, хотел выглядеть веселым и нескучным. Но в душе что-то тянуло, наверное, я понимал: в деревне не спрячешься от людей. Кто-то видел нас вместе через окна дома, другие слышали голоса. Все эти люди разговаривали между собой и делали свои выводы. Конечно, Дашу боялись и не хотели склочничать о ней, но простота души деревенской взяла верх. Первой мне рассказала тетка. Она услышала в магазине от продавщицы, что слушок по деревне уже прошел, и поделилась с ней тем, что Даша «крутит», как она выразилась, с Нежадным, то есть сомной. Особого значения я этому не придал, но мне было странно наблюдать за поведением Семена в этой ситуации. Он несколько раз видел, как Даша уходила от нас веселая и счастливая.

Любой бы заподозрил неладное, увидев довольные глаза жены. Она рассказывала о каких-то делах с моей теткой, но он понимал, что не в тете Шуре здесь дело, а во мне. Семен косился, злился, но ничего не говорил. Даша убеждала меня, что, даже если он узнает, она не допустит, чтобы между нами что-то произошло. В их семейном мире, возможно, Дарья умела добиваться своего, за исключением пьяных ссор, но Семен был человеком непредсказуемым, и я знал это. В какую сторону уведет его очередной стакан самогона? А спиртное каждый раз выходило из него с агрессией к окружающим. Он почему-то терпел и срывал зло на других: избил мужиков в пивной, сломал стул, перевернул стол. Раньше Семен не позволял себе такого, но теперь злость искала новый выход: она накапливалась, и я чувствовал, что скоро эта сила прорвет плотину терпения.

С первого понедельника августа все и началось. К Даше приехали люди, привезли близнецов. Как она рассказывала, близнецы вообще трудно поддаются лечению. Что-то общее разделено на две части, и если одна часть исцеляется, то другая тянет за собой и возвращает болезнь. Всю неделю она занималась только ими. Мы пустили родителей близнецов в свой дом, так попросила Даша. Люди оказались хорошие, спокойные, вот только сильно они переживали за своих мальчишек. Родители рассказали нам, что

они перестали дружить с другими детьми. Гуляли отдельно, играли тоже, никого к себе не подпускали. Ребята уже большие, пятый класс закончили. А в последний год стали болеть. Причем если болел один, то второй чувствовал себя плохо. Сегодня современная медицина объяснила это, врачи доказали, что между близнецами есть особая малоизученная связь. Она проявляет себя, даже если они находятся на больших расстояниях друг от друга.

Два месяца назад один из них сильно похудел, потерял аппетит и перестал общаться даже с братом. Его положили в больницу, но точный диагноз поставить не смогли. Знакомые посоветовали привезти его к Дарье. Сначала приехал отец и рассказал ей о сыне. Узнав, что у него есть брат-близнец, Даша попросила привезти обоих. Для нее это лечение оказалось трудным. Она никак не могла настроиться, я со своей любовью забрал у нее слишком много сил. Но эта хрупкая женщина справилась с собой, все сделала, вылечила, причем весь процесс происходил на моих глазах. Я каждый день видел этих мальчишек и замечал, как они изменяются. В субботу гости уехали, они остались довольными, увидев улыбки детей, а Дарья весь этот день ходила грустная, как будто чувствовала приближение беды. В воскресенье Семен вернулся рано. Он утром уехал калымить, перевозить бревна. Быстро закончил работу, приехал и сразу начал пить. Я видел, как он жадно выпивал один стакан за другим. Он сидел на лавочке возле дома, поглядывал на наш дом, но меня не звал. Даша лишь выносила ему закуску, затем он незаметно для всех исчез. Просто встал и тихо зашел в дом. Ни я, ни тетка не обратили на это внимания, но через пять минут мы слышали крики.

Тетя Шура не отходила от двери, а я сидел у окна и наблюдал за домом, где пьяный мужик издевался над моей любовью. Что-то сломалось или взорвалось в душе. Тетка не смогла удержать меня. Она увидела мои залитые злостью глаза, отвернулась и отошла в сторону. Я выбежал на улицу и встал у калитки. В голове крутились слова Даши: «Не лезьте в наши дела. Не трогайте его!» Ну как тут не трогать? Семен тащил ее за волосы на дорогу. Каждый его

шаг сопровождался ударами по спине. От этих ударов кувалды-кулака ее тело содрогалось. Что-то останавливало, не пускало, наверное, ее просьбы, чтобы мы не обращали на это внимания, но я вырвал с корнем из себя сомнения. Ноги сорвались с места, и я выскочил ему навстречу в тот момент, когда он вытащил ее на середину дороги.

— Не лезь! Уйди! Зашибу!— крикнул мне Семен.

Я увидел его глаза. Они были залиты кровью и злостью, как у разъяренного быка. Его щеки вздулись, а рука, словно заводная, продолжала бить.

— Ты что делаешь, гад! — не выдержав, крикнул я.

— Уйди, сука, замочу! — с пеной прорычал он.

Я забыл о тренировках, об ударах и обо всем, что когда-то изучал. Во мне родилась сжатая пружина злости. Она давила на сознание и требовала выброса своей силы.

Я не помню, как быстро я подбежал или подошел к нему, лишь вспоминаю, как увидел растерянные глаза Семена. Он не ожидал, что какой-то городской хлюпик встанет против него. Семен не видел для себя ровни. Он считал, что сильнее всех. А тут какой-то паренек с животиком и холеными ручками вышел с ним бодаться.

— Ты, сучонок, следующий, — крикнул он мне и замахнулся, чтобы в очередной раз ударить Дашу, но я оказался быстрее. Пружина вырвалась и с силой разжалась, устремив всю свою мощь в мой кулак. Он точно пришелся Семену в челюсть. Тот, всхлипнув, обмяк. Удар в подбородок вообще болезненный, в боксе, если ты правильно попал, считай, выиграл. Любой, даже самый крепкий мастер может улететь в нокдаун. Семен не был исключением, и челюсть у него была обыкновенная, не из металла. Я увидел, как улетучилась его ярость, подкосились ноги и он упал лицом в грязь. Я хотел добавить с ноги. Признаюсь — это нехорошо, но так хотелось въехать ему еще раз, чтобы он почувствовал, каково быть битым. Но словно из-под земли выросла тетка. Она встала между нами и наклонилась к Даше. Снизу посмотрела на меня и грозно произнесла: «Иди в дом». Эти слова, словно ведро холодной воды, остудили меня. Я поднял Дашу и, не понимая, что делаю, понес ее на руках в наш дом. Мы

уложили ее на постель, и тетя Шура тут же стала готовить примочки. Даша молчала. Я ждал, что она скажет — молодец, спасибо, так ему и надо, но она не произнесла ни слова, лишь со стонами шептала: «Зачем? Что ты наделал!»

Да что я мог наделать? Я просто защитил свою любовь и был горд тем, что у меня это получилось. Каждый на моем месте поступил бы так же. Но почему-то никто не хотел оценить этот поступок, все лишь с сожалением смотрели в мою сторону. Я видел, как испуганно вглядывалась в мои глаза тетя Шура. Она тоже растерялась и не понимала: что я сделал не так? Почему я должен был молчать? Но ответа на наш вопрос в тот день мы не получили.

Полночи я сидел рядом с Дашей, держал за руку и, стараясь не причинить боли, нежно гладил по лицу. Тетя Шура меняла одну за другой примочки, а когда Дарья уснула, она отправила меня на чердак, пообещав сидеть с ней до утра. Я сам хотел остаться, но тетка настояла на своем.

Посмотрев в окно, я увидел, что Семен так и лежит на дороге, многие прошли мимо, и никто даже не наклонился над ним. Я решил помочь, отнести его домой, но тетя Шура снова, как страж, встала в дверях и, ничего не объясняя, неодобрительно покрутила головой.

— Что, нельзя даже подойти, домой его оттащить? — спросил ее я.

— Нельзя, — с какой-то злостью ответила тетка. Я впервые увидел ее такой. Заставила меня уйти на чердак и сказала, чтоб до обеда носа не высовывал.

Утром меня разбудили мужики. Они опять тайком пробрались занять чирик. Меня даже порадовало это возвращение народа. Я, конечно, дал, и даже больше, удивив еще раз своей нежадностью. И даже сказал, что отдавать не надо. Долго смотрел им вслед через маленькое окошко чердака, потом попытался заснуть, ведь до обеда еще было далеко, но не смог. Час лежал и думал, хотел понять, что вокруг меня происходит. Почему я под арестом? Зачем мне прятаться? Решил выяснить это позже, но спускаться не стал. Я слышал голос Даши и даже кричал ей с чердака, но она не отвечала мне.

Утро пролетело, а обед начался в какой-то мере хорошо. Порадовал грохот трактора. Я услышал, как его завел Семен и через несколько минут уехал. Смело спустился вниз и увидел довольную тетку, попивающую из блюдца чай. Рядом сидела Даша. Она смотрела на свои синяки в зеркальце и смеялась. Мне почему-то тоже стало смешно. Они увидели и услышали мой смех, разом посмотрели на меня и сразу замолчали.

— Объясните мне, в конце концов. Что происходит? Что я сделал не так? У меня такое впечатление, что это я избил тебя, а не Семен.

— Успокойся, не кричи, — попросила Даша. — Садись, завтракай, обедай, а потом я тебе все объясню.

— Что? Что ты мне объяснишь? Скажи сейчас. Я что, должен был подойти и пожать ему руку? Или сказать спасибо за то, что он тебя изуродовал?

— Нет, конечно, — ответила девушка. — Но и так сразу тоже нельзя было поступать.

— Как тогда я должен был поступить? Уговорить обезумевшего человека или подставить свое лицо вместо твоего?

— Не знаю.

— Все, хватит, — вмешалась тетка. — Что случилось, то случилось. Теперь, милочка, она твоя, а Семен сюда и ногой не ступит.

— Что, вот так все сразу и разрешилось? — спросил я.

— Да. Вот так. Взял и отбил.

Я никогда не задумывался над смыслом слова «отбил». Нет, конечно, понимал, когда друзья говорили, что там одна подруга отбила парня у другой или кто-то отбил девушку у друга. А теперь как будто что-то расшифровалось в моей голове. Я понял истинное значение этого слова. Я действительно отбил Дашу у Семена. Теперь по всем их ведьмовским или каким-то еще законам она моя. И тот, кто пожелает обладать ею, должен как минимум отбить ее у меня. Не забрать, не увезти, а именно — отбить. Я осознал, что произошло, и мне как-то сразу стало легче. До их целительства никакого дела не было. Я вообще считал, что

это занятие у Даши что-то вроде хобби. Занимается чем-то, развлекает себя — хорошо, и вроде людям заодно помогает. Но тут я понял, что Семен также верит в эту приметку или поверье. Он теперь спокойно отойдет в сторону. Возможно, побесится, станет переживать, но не придет ко мне и не попытается что-либо изменить. Все— дело сделано. С простой девчонкой или с чьей-нибудь женой подобное бы не прошло. Муж устроил бы скандал, истерику, но в этой семье все было по-другому. И мне пришлось смириться. Я готовил себя к следующей драке, к спору между нами, к мести, в конце концов. Но все это, словно круги на воде, растворилось и ушло. Никто из них, ни Даша, ни Семен не могли обсуждать случившееся. Я думал, что победил и сделал это легко, но на самом деле я лишь освободил этого несчастного мужика.

Я почти час сидел за столом и нервно пил чай. Видел, как тетка и Даша пристально наблюдают за мной.

— Ну что еще? Говорите, не молчите, — спросил я их.

— Ты сходишь, заберешь мои вещи?— спросила Даша.

— Нет. Я куплю тебе все новое.

— А лечить людей разрешишь?

Я помолчал, подумал и решил: а чего в этом плохого — пусть лечит. Разве мог я тогда представить, что именно этот шаг все испортит, можно было отказаться и запретить. Тогда я все же в какой-то мере был победителем и хозяином положения, но как я мог представить, что за ее увлечением спрятана боль и тяжесть? От них нужно было избавляться, но тогда я не знал этого.

— Тогда сходи заведи все мои мешочки и травы из кладовки. Я потом разберусь, — попросила Даша.

— Хорошо, попозже схожу, — согласился я. Семен уехал, и мне нечего было опасаться.

Тетка, тяжело вздохнув, встала и ушла из-за стола. Мы остались одни.

— Синяки быстро пройдут. Ты не переживай. Ответь только одно. Ты по-прежнему меня любишь? — спросила Даша.

— Да, даже еще больше.

— Ну, тогда будем бороться вместе.

— С чем бороться?

— Скоро сам узнаешь. Тяжелая у нас с тобой любовь будет. Не знаю, сумеешь ли ты меня отстоять. Если любишь сильно — сумеешь, а если нет... — Даша замолчала. — Так мне и надо, — через минуту добавила она.

— Сумею, даже не сомневайся.

— Ну и хорошо. Я верю в тебя. Все будет как в сказке, и ты освободишь свою принцессу от злого колдуна.

— Я надеюсь, мне не придется его, как в сказке, мечом разрубать?

— Не знаю, как оно у тебя получится. Но, поверь, если ты не остановишься — победишь. Я это предвижу.

— Хорошо, обещаю. Не остановлюсь ни перед чем.

— Спасибо. Я верю тебе.

Встав из-за стола, мы залезли на чердак, и я долго разговаривал с ней и каким-то настоем бережно смазывал ее синяки. Мы придумали, как встретим Новый год, решили, что будем ходить на все концерты. Обязательно запишемся в бассейн. Все плохое, воспоминания вчерашнего постепенно отошли. У нас обрисовалась красивая перспектива жизни. Я, как никогда, торопился в город. Вот только на один вопрос Даша не ответила. Забыв о неприятностях, я напрямую спросил, хочет ли она детей, но в ответ лишь увидел мрачное лицо. Попытался узнать: может, что-то со здоровьем. Но она отвернулась и произнесла: «Уж себя-то я вылечу без проблем». Я опять почувствовал присутствие чьей-то тени. Кто-то внутри нее мешал ей жить, как она хотела. Что-то обязывало соблюдать тайные правила, а они, по всей видимости, не позволяли ей иметь детей. Я не узнал тогда правды, не стал настаивать и вытаскивать из нее больные и неприятные слова, а она лишь через неделю шепнула: если докажешь, что любишь по-настоящему, будут у нас дети. Я успокоился и даже обрадовался, но что такое любовь по-настоящему, тогда не знал. Видя, как она расстраивается от подобных вопросов, постарался ближайшее время не беспокоить ее этим. Хотя возникшая тайна очень сильно мучила меня.

В этот же вечер я забрал все ее снадобья, а позже увидел Семена. Говорить он не мог. Челюсть сильно распухла. Было похоже, что я сломал ему ее как минимум в двух местах. Но тогда я увидел в его глазах спокойствие, даже радость. Его поведение мне показалось странным, я решил, что он не держит на меня зла. Тогда это обрадовало, и я не заметил, не обратил внимания на главное — тот груз, что он с радостью отдал мне. В его глазах было сочувствие, и я лишь в городе, вспомнив Семена, понял этот взгляд. Мы постояли, помолчали, посмотрели друг на друга и мирно разошлись. В эту же ночь я увидел сон, яркий, красочный, и запомнил практически все подробности. Проснулся, и мне показалось, что я прочитал книгу с каким-то наставлением или посмотрел предупреждающий фильм.

Сон

Когда-то в аварии у меня на глазах погиб мой друг. Я навсегда отказался от машин, но во сне я мчался по трассе, пытаюсь быстрее добраться домой. В салоне звучала музыка, и я сразу не заметил, что машина стала глухнуть. Свернув на грунтовую дорогу, остановился, вышел, чтобы заглянуть под капот и выяснить причину. Обратив внимание на окружающую природу, об автомобиле забыл.

Длинной извилистой лентой протянулась сквозь пшеничное поле старая, ухабистая, почти заросшая дорога. Сделав несколько шагов в глубину поля, я оказался в желтом качающемся море. Погладив рукой колоски, почувствовал, что именно в этих местах прикоснусь к тайне и раскрою ее. Внутри все сжалось, и неведомое чувство опасности охватило напряжением все тело. Золотое море пшеницы, переливаясь огромными волнами, ласкало и успокаивало. Я посмотрел вдаль и заметил у горизонта несколько брошенных избушек. На нашу деревню они не были похожи, но что-то близкое и родное напоминали. Поглаживая дланью колючие колоски, я продолжал стоять и смотреть. Я почувствовал, что это загадочное море живое. Оно плав-

но перерастало в темную синеву леса и выглядело огромным существом. Оно открыло пасть и показало, что внутри у него что-то есть. Стоит пройти по извилистой дороге и зайти в любую брошенную избу, и эта пасть закроется и тот мир, куда сейчас дорога открыта, станет полностью изолирован. Огромное неизвестное существо будет держать меня в плену и неизвестно когда отпустит.

Любопытство взяло верх. Я, конечно, успокаивал себя тем, что деревня обычная и тот ужас, что она нагнетала, был вызван простым отсутствием жизни. Люди покинули ее, и деревня стала страшной. Я все же решился и, сев в машину, тихо поехал к полуразрушенным избам. Странно, но машина работала как часы. Плавно качаясь, проезжая кочки, я что-то слышал. Заглушив двигатель, остановился и стал прислушиваться. Вокруг стояла тишина, пронизывающая все живое, странная, глухая тишина. Добрый ветер, который совсем недавно, развлекаясь, качал колосья, создавал неповторимую музыку шелеста, вдруг куда-то улетел. Огромное поле пшеницы замерло. Оно стояло не двигаясь, как нарисованное. Птичий перезвон умолк, и тишина провела по дороге невидимую черту, наверное, проверяя меня, смогу ли я перешагнуть через нее и оказаться в тайне.

Я решил ехать дальше, но почему-то обернулся. По трассе мчались машины, и мне показалось, что водители уже не видят меня. Я резко завел мотор, включил заднюю скорость, но чей-то пристальный взгляд остановил меня, и я снова посмотрел на деревню. Да, именно оттуда я почувствовал взгляд. Я не мог разобрать, кто это, но точно знал, что там меня ждут и, связывая мое сознание, зовут к себе. Я стал внимательно всматриваться в дома, деревья, кусты, стараясь вычислить человека или, может быть, зверя. Времени прошло много, а я все смотрел, осознавая, что нахожусь на границе двух миров, понимая, что от меня ждут действия. Опустив голову, как бы прячась от этого навязчивого взгляда, я резко включил передачу и, сорвав с места автомобиль, как настоящий гонщик, пролетел по дороге, остановив машину у первого дома. Огромное облако пыли догнало и окутало машину. Я подождал, пока осядет пыль,

вышел из машины и несколько минут стоял молча, рассматривая дома. Почувствовав чье-то присутствие, я крикнул в надежде, что кто-то отзовется. Но тишина, проглотив мой крик, восстановила тяжесть молчания. Удивительно, но, как только я оказался в деревне, мой страх исчез, и ему на смену пришли спокойствие и уверенность.

Старая дубовая дверь полуразрушенной избы заскрипела и открылась. Сквозь сумерки дома я увидел стол, на нем кувшин, накрытый полотенцем, а рядом — глиняную кружку. Я смело вошел в дом, огляделся и заметил, что в кружке налито молоко. Голод напомнил о себе. Я решительно, залпом, утолив проснувшееся чувство, выпил молоко. Его теплота и свежесть согрели, я почти успокоился, вспомнил детство и такую же старую избу, куда каждое лето приезжал на каникулы.

Погрузившись в воспоминания, я сел на лавку и стал рассматривать заросшие паутиной стены: мне казалось, что дом этот я знаю, но почему-то не могу вспомнить. Знакомый запах старой избы что-то подсказывал мне, но память повесила амбарный замок и не хотела разгадывать эту головоломку. Где-то в полумраке неожиданно загремели сложенные у печи дрова. Я вздрогнул, прислушался и решил подойти к ним, надеясь кого-нибудь увидеть. Но нашел лишь открытый коробок спичек, оставленный на верхнем полене. «Хозяева желают, чтобы я растопил печь?» — предположил я в своем сне и, взяв коробок в руки, зажег спичку, осветив ее пламенем темноту печи. Внутри стояли сложенные елочкой щепки. Я машинально сунул в них горящую спичку, и они сразу вспыхнули. Вспомнил, как правильно разжигать печь. Мальчишкой я много раз видел это и даже помогал. Открыл заслонку, чтобы дым не шел в избу, и стал подкладывать сначала тонкие, а затем толстые, потемневшие от времени поленья. Я наблюдал, как они, охваченные живыми языками огня, разгораются. Подложил еще, и печь заохала, запыхтела, проснувшись от долгого сна.

Не понимая, зачем я растопил печь, вернулся к столу, сел на лавку и стал смотреть на огонь. На него можно смотреть целую вечность и думать, собирая из хаотичных

воспоминаний давно забытую картинку из детства, где я, совсем маленький, сижу напротив печи и о чем-то мечтаю. Интересно, о чем я тогда мечтал? Наверное, о велосипеде или о гитаре. А может, я мечтал стать взрослым, и эта изба именно та самая, из моего детства. Возможно, я перешагнул во времени назад, и моя мечта стать взрослым — сбылась? Но мне почему-то показалось, или, точнее, я почувствовал, что добродушная хозяйка, моя бабушка, зачем-то вернулась из другого мира и пытается о чем-то предупредить. Я посмотрел на стол и увидел, что в кружке снова налито молоко, а в плетеной тарелке лежит мягкий деревенский хлеб. Я не видел, кто налил молоко и принес хлеб, но все же поблагодарил добрую хозяйку за угощенье.

Откусив хрустящую корку, я узнал, вспомнил вкус хлеба: его пекла в печи бабушка. Я вспомнил ее, и в душе появилась боль: «Тяжелая у нее была жизнь. Если бы она была жива, порадовалась бы за меня, каким я стал». Откуда-то сквозь потрескивание дров послышались слабые голоса. Сосредоточившись, я разобрал и узнал их. Это моя мать чем-то гремела в сенцах и ругала меня, а я спрятался на чердаке и не хотел спускаться обедать. Весело, дружно мы тогда жили. Доброе радостное чувство охватило все тело.

Дрова в печи почти догорели. Подняв несколько поленьев, я сунул их в угли, и печь, ожив, снова заохала.

«Кто здесь?»— спросил я сам себя. Внимательней рассмотрев глиняный, ручной работы кувшин, я понял кто. Именно такой кувшин с отколотым краем всегда стоял с утра на столе, после утренней дойки, и дожидался, когда же я проснусь. Мне даже стало смешно. Не может быть! Я отказывался верить своим глазам. Но кувшин был тот, и объяснить этого я не мог. Я встал и прошел вглубь комнаты. Комната очень похожа, только мебели нет. Я всмотрелся в темноту и увидел на стене «Трех богатырей», нарисованных на небольшом коврикe. Он много лет висел над кроватью, и я часто рассматривал его. Я отошел в сторону, и видение утонуло в темноте. Да, действительно, окна те, по крайней мере, столько же. Но стол этот я не помню. «Откуда стол?»— задал я сам себе вопрос. — Странно все это».

Мне казалось, что я просыпаюсь и не могу понять, в каком именно времени я нахожусь, но все события и предметы отчетливо вырисовывались в моем сознании. Какое-то время мне казалось, что я повис в пустоте, но я вновь очнулся, увидев, что на столе вместо кувшина с кружкой появилось несколько щепок. Подчиняясь невидимой силе, я взял их в руки и подошел к печи, чтобы лучше рассмотреть. Щепки были обыкновенными. Откуда-то в сознании появилась мысль, что их надо бросить в огонь. Я так и сделал. Охваченные пламенем щепки затрещали, и из печи, несмотря на хорошую тягу, пошел в комнату дым. Он не развеялся туманом, а повис своими нитями в воздухе, зарисовав пустоту причудливыми формами. Я вернулся за стол и стал рассматривать его. Сначала разглядел дорогу, и весь этот вышедший дым нарисовал в комнате карту. Я постарался запомнить ее. Затем дым, подхваченный дуновением легкого ветерка, сформировал лицо. Доброе, простое лицо. И это лицо как будто о чем-то говорило мне, рассказывало о тайне, которую я должен знать. Я ничего не понимал и ничего не слышал, но чувствовал, что неведомая мне информация поступает в мое сознание. Почему-то догадался, что лицо живет, пока горит в печи огонь. Как только дрова прогорали, лицо старело и исчезало. Быстро подбрасывая поленья, я видел, как лицо молодеет. На улице давно наступила ночь, и все это время, всю ночь, я следил за огнем, продлевая жизнь своему видению. Странно, но дрова у печи не кончались, и бесконечный поток информации продолжал вливаться в меня. В какой-то миг все оборвалось и исчезло: и огонь в печи, и видение, и ночь. На улице рассвело, и утренние лучи солнца ворвались в темноту комнаты. Обернувшись, я снова увидел на столе кувшин с молоком и хлеб. Только на этот раз кружка была пуста, и молоко я налил себе сам. Позавтракав, я вышел на улицу. Птичий перезвон сливался с шумом леса, а пшеничное поле шелестело своими колосьями. Я посмотрел на машину и вспомнил, что еще вчера должен был приехать домой. Сел в машину и спокойно поехал, но чей-то взгляд вновь остановил меня. Я обернулся, посмотрел на пшеничное поле, но никакой дороги и тем более деревни не увидел.

Проснулся в тот день поздно. Весь сон отчетливо оставался в памяти. Я решил, что со временем разберусь в этом предсказании или предупреждении. К моему удивлению, в этот день я не чувствовал особой тяжести, лишь моя тетка как-то изменилась. Ее добродушность исчезла, и она старалась не отвечать на мои вопросы. А я их задавал много: хотел узнать, что она думает о Даше и о наших отношениях. Но тетка как-то странно отнекивалась и говорила, что жизнь покажет и все расставит на свои места. Неудержимое желание свести нас вместе исчезло, она быстро охладела к нашему союзу. Я изо всех сил старался выведать у нее, что же случилось на самом деле, а она все время меняла тему разговора и уходила от моих вопросов. По ее поведению было ясно, что узнала она о чем-то плохом и слишком сильно переживала об этом. Это плохое явно касалось меня и Даши. Если раньше она, не отступая, бегала за нами, то сейчас тетя Шура делала вид, что не замечает ни меня, ни мою будущую жену. Эта тайна висела у нее на кончике языка, как об этом выражались в деревне, и я понимал, что тетя Шура сама болеет тем, что не может рассказать ее. Но, по всей видимости, кто-то наложил большой запрет на ее разглашение, и она боролась с собой как могла.

Тайна

Мы продолжали жить на чердаке. Мне очень хотелось быть рядом с ней, я рвался к ее нежности, но, вспоминая, какие она получила от Семена травмы, останавливал себя.

На следующий день я встал позже всех и почти в обед сел завтракать. Даша улыбалась, а тетка молчала. Я понял: для того, чтобы узнать хоть какую-то информацию о происходящем, мне надо было оставить их одних, а самому тайком подслушать. Стыдно, конечно, но эта неизвестность окутала весь дом. Она держала меня в напряжении, и я должен был хоть как-то разрядить ее — узнать, чего стоит ожидать. Решил для себя: если узнаю о чем-либо плохом — постараюсь все простить, чтобы наши отношения стали, как и пре-

жде, добрыми и спокойными. После завтрака так и сделал. Залез на чердак, поднял несколько старых досок с пола, чтобы улучшить слышимость. Но тетка, старый разведчик, тут же оборвала Дашу. Она начала говорить обо мне. «Молчи, на чердаке все слышно», — резко произнесла тетя Шура. Тогда я решил для видимости уйти в магазин, а сам, оббежав дом, вернулся через огород. Разговора я их не понял, но несколько слов все же уловил.

— И ты думаешь, он сможет? — спрашивала Дашу тетка.

— Не знаю, — отвечала та.

— Эх, если бы ты раньше мне все рассказала, я бы не отдала тебе своего племянника. Все бы сделала, но не позволила вам сойтись!

— А что вы так переживаете? Я на второй день после того, как его увидела, знала, что все это произойдет. Вы, конечно, тетя Шура, можете быть против, но лучше, если вы постараетесь помочь нам.

— Как? Сама, что ли, за него все сделаю?

— Нет. Вы просто поддержите его. Будьте, как прежде, доброй. Ему легче станет.

— А я с ним и не ругалась. Чего мне стараться, а то, что не улыбаюсь вам, — так потому что боюсь сглазить, сама же меня учила, что сейчас между вами все еще так-сяк — шатается.

— Нет. Уже не шатается. Все крепко, и я верю, что Вадим сильный и сможет выстоять. А еще я верю, что он спасет меня и вырвет из этого плена.

После этого тетка выглянула в окно, и разговор оборвался. Они договорились жить и все делать как прежде, но меня очень заинтриговала возникшая тайна. О каком плене говорила Даша? Откуда я ее должен был вырвать, и в чем именно мне предстояло выстоять? Вопросов накопилось много. Я не мог найти ответ ни на один из них. Это мучило, тяготило меня, но я старался не показывать вида. Все было хорошо, спокойно. Даша громко и красиво смеялась, и даже моя тетка со временем отошла от своей тайной злости. Синяки и ушибы действительно быстро сошли, и мы стали наслаждаться друг другом, нашими чувствами и, как два го-

лубка, старались во всем угодать. Тетя Шура видела все это. Ей нравились наши отношения, и она старалась помочь, быть приятной и ласковой, но иногда и у нее это совсем не получалось. А однажды я увидел у нее в глазах слезы. Это случилось поздним вечером, когда она молча сидела за столом и перебирала свои клубки с нитками. Не помню, зачем я спустился с чердака, наверное, захотел попить — и увидел, как она молча, всхлипывая, вытирает слезы. Заметив меня, тетка сразу изменилась, заулыбалась, но лицо так быстро изменить не смогла. Я заметил не просто боль и сожаление, а явное выражение страха. Понял, что она боится этой тайны, и именно в тот вечер сердце подсказало мне, что должно произойти что-то ужасное. Я не стал спрашивать ее ни о чем, просто ушел и, забравшись на чердак, прямо спросил Дашу:

— Ответь мне, что вы скрываете? Что за тайна появилась вдруг? Почему мне нельзя ее знать?

— Почему же нельзя? Можно. Просто ты узнаешь о ней позже, я сама все расскажу, обещаю. Ты же не веришь во все мои способности, а когда поверишь, тогда и расскажу.

— А сейчас точно не хочешь?

— Нет, сейчас не скажу.

— Это что-то опасное?

— Нет, обыкновенное, жизненное. Нужно будет с этим смириться и постараться не придавать этому особого значения.

— Странно все это. Ну ладно, раз жизненное, то, я думаю, справлюсь.

— Да справишься, конечно. Любой мужчина может все это делать. Ничего особенного. Так что не переживай.

— Хорошо. Успокоила. А что ж тетя Шура так переживает?

— Она все думает, что ты маленький и не готов к трудностям. Жалеет тебя.

— Знала бы она на самом деле, сколько мне уже пришлось повидать в этой жизни, так бы не думала.

— Ну вот видишь. Сам все понимаешь.

После этого разговора мы долго не вспоминали о тайне. Я ждал, а Даша продолжала молчать. Постепенно все при-

шло в норму; соседи, слухи, разговоры о драке — все утихло. Тетя Шура радовалась за нас и старалась, чтобы мы ни о чем не беспокоились. К кухне она ни меня, ни Дашу не подпускала: все готовила сама. И всегда спрашивала заранее, чего мы хотим на завтрак или на обед. А мы ходили в лес, собирали грибы, ягоды, купались в речке, отдыхали по полной программе. Несколько раз к Даше приезжали люди и просили ее помочь, но она переносила их лечение на поздний срок. Спросив разрешения у меня, она давала людям мой городской адрес и обещала начать принимать их после Нового года. Все понимали ее и поздравляли с новым замужеством.

Последние три недели пролетели как один день. В моей жизни никогда не было столько света — я засыпал счастливый и просыпался с радостными мыслями. Чувствовал, как мое тело и душа меняются: мне хотелось жить, бегать по утренней, покрытой росой траве, а когда я косил траву для поросят, Даша, словно та девушка из моей мечты, приходила ко мне с кувшином молока и поджаристым хлебом. Я пил его, обливался им, конечно, целовал ее. Она улыбалась, стесняясь, что кто-то увидит, но иногда сама обнимала меня и нежно целовала. Ей тоже хотелось отдать мне все то, что в ней накопилось за годы. Она никого никогда не любила, но всегда мечтала об этом. Возможно, она боялась своей тайны и прятала чувства в себе. Но все это было когда-то — теперь она открыла свою душу мне, и я, стараясь не принести туда грязи, был нежным и ласковым. Мне не нужно было напрягаться, чтобы выдумывать нежные слова, — они сами рождались и выливались из души. Даша все это видела и чувствовала, а тетка то вспоминала о чем-то плохом и ходила хмурая, то отходила и радовалась вместе с нами. Она часто говорила мне, что завидует такой любви и даже сама в ее-то годы надеется встретить доброго мастеровитого старичка. Мы, конечно, смеялись над ней, а она немного обижалась, краснела, как когда-то в молодости от стеснения, но потом смеялась вместе с нами.

Шпионить я перестал. Их разговоры были только об одном: как и на что нужно жить в городе. Даша рассказывала

тетке, что жила среди образованных людей, но та настаивала на своем и приводила примеры городских отношений. Она действительно не встречала нормальных людей с городской пропиской. Многие приезжали в деревню, и люди удивлялись этим приезжим. Они не понимали, как можно жить с мужем и все подсчитывать, для них это было непонятно. Но и для тех, кто вырос в городе, тоже сложно представить, как можно не планировать затраты на еду и все остальное. Позже я разгадал этот секрет: в деревне всегда есть годовые запасы соленых огурцов, помидоров, грибов и варенья. А уж о полных погребах картошки упоминать не стоит. Деревенские не думают о том, как и что им покупать на месяц. У них все давно есть на несколько лет вперед, а у городских с этим проблема. Хорошо, если есть гараж с погребом или в подвале пятиэтажки сделан небольшой чуланчик. Там можно что-то запасти примерно на год, два от силы. А если нет — приходится городским все покупать каждый месяц. Ездить на рынок и искать места, где подешевле. Думать, как прожить, чтобы все были сыты: и муж, и дети, и приглашенные гости. А в деревне как: пришел проведать кого-нибудь — хозяйка в погреб, а там все, что надо, давно ждет нежданного гостя.

Тетя Шура, как родная мать, учила Дашу всем премудростям, передавала ей весь опыт ее видения, как выжить в городе. Она часто приезжала ко мне в городскую квартиру и первые дни всегда охала: где мешок картошки? Как нет? Да ты что? А капусту засолил?

Нет! Нет у меня ни картошки, ни капусты, ни банок с соленьями. И она садилась молча на диван и думала, как меня спасти. В следующий раз приезжала и привозила огромные сумки с едой. Приходилось встречать ее на вокзале. Холодильник распирало, но тетка не уступала. На моих антресолях стали появляться банки. Причем я их находил случайно. Она перед отъездом скажет, где у меня что стоит, но через неделю я все забуду. Полез зачем-нибудь, глядь, а там огурцы, помидоры, грибы. Забыл, за чем лез и что искал. Ведь на такой клад наткнулся. Но потом все кончалось, и тетка снова приезжала и делала хитрые за-

начки в моей квартире. Даша над всем этим смеялась. Я отвечал тете Шуре, что мы целый год будем каждый день в ресторан ходить. Тетка хваталась за голову и рассказывала Даше, сколько стоит картофельное пюре на воде. Я сделал ошибку, однажды пригласил тетку в кафе, так она после этого три ночи не спала. Все считала, сколько денег мы тратим.

Даша со всем соглашалась, но не очень-то и запоминала. В ее глазах горел свет любви, и мысли были только обо мне. Я был счастлив, и все плохое было побеждено, забыто. Тогда — мне именно так и казалось. Не верилось, что так можно жить. Если бы я рассказал об этом друзьям или сослуживцам, они бы не поверили, сочли бы, что я просто выдумываю красивую историю любви, — но все это было на самом деле.

Последняя неделя нашего пребывания в деревне осталась в памяти как мгновение пребывания в рае. Всевышний, видно, увидел нас. Дожди кончились, хотя и они нам не мешали. Нам было чем заниматься под теплыми одеялами на прохладном и сыром чердаке. Но в последние дни солнце не уходило. Речка стала теплой и радовала нас своей мягкой водой. А в лесу после дождей из-под моха целыми отрядами появлялись грибы. Но на грибы я обижался и даже не хотел ходить за ними. Потому что дома Даша и тетя Шура весь вечер перебирали их, а я им мешал, все время пытался утащить свою любовь. Но она не поддавалась на мои уговоры и не отлынивала от работы, знала, что для тетки грибы — это продукт. Выбросить она их не могла, а перебрать одной тяжело. Будет сидеть до утра, а потом, не выспавшись, в поле пойдет. Я хотел растянуть это время, но последние дни, как секунды на огромном циферблате года, тикали, превращаясь в мгновения. Я продолжал чувствовать неудержимую страсть, даже стал подумывать: а не влияет ли как-то Даша на меня по-своему, по-целебному. Но потом прогонял эти мысли и думал, как со мной это произошло. Я продолжал чувствовать потребность в этой девушке и не мог ее ничем утолить. Мы могли часами целоваться, гулять до утра по деревне, разглядывать звезды

и утопать в объятиях любви на нашем чердаке, подолгу не спускаясь с него. Лишь только тетка, все понимая, с утра подавала нам свежее молоко с хлебом и с нетерпением ждала, когда же мы спустимся к столу и что-нибудь поедем. А мы, опьяненные любовью, забывали об этом и, когда голод напоминал о себе, просили ее что-нибудь нам принести. Тетя Шура ворчала, но всегда выполняла просьбы. При этом она подшучивала над нами; казалось, все плохое ушло, наши души были счастливы, мы совсем не задумывались о том, что нас ждет впереди.

Домыслы

Отпуск закончился, и я вместе с Дашей вернулся в город. В первый же день мы обошли с ней магазины и рынки: купили все, что она хотела. Я видел, как Даша радуется каждой купленной вещи. Мне казалось, что эта девушка вообще никогда ничего красивого и модного для себя не покупала. Это доставляло мне такое удовольствие, что я готов был купить ей целый мир. Но однажды я сильно испугал ее. Это произошло примерно через неделю. Мы случайно проходили мимо ювелирного магазина, и я уговорил ее зайти. Может, она не поняла, что это за магазин, но, возможно, просто не знала, что во всех ювелирных салонах продаются кольца.

Она рассматривала браслеты и цепочки, когда я подошел к ней и попросил девушку-продавца показать нам обручальные кольца. Я не собирался покупать их, а просто хотел показать или сделать подарок: какое-нибудь простенькое колечко с камушком, совсем не обручальное, но Даша, увидев, что я собираюсь купить, в ужасе выбежала из магазина и, спрятавшись за углом, долго тряслась и плакала. Я понял, что эту девушку нужно вытаскивать из мира ее предрассудков. Она верила во все: иногда, конечно, что-то сбывалось, но были случаи, и я ей говорил: вот смотри, ничего не произошло. Она лукаво улыбалась и загадочно отвечала: потому и не произошло.

С такими мелочами, как приметы, я смирился быстро и не обращал на них внимания, но иногда у нее случались истерики. И я не мог понять почву или исток — откуда они приходили. Казалось, между нами все хорошо, я поцеловал ее, а она могла испугаться того, что ей слишком хорошо или приятно. В деревне все эти грани были стерты, но вот в городе она стала обращать на свои заморочки внимание. Как мне хотелось вытащить ее из этого мира, я мечтал разрушить ее тайну и все связанное с ней. Но тайна оставалась тайной, а я был рядом и, если честно, думал о другом: о том, как мне хорошо с ней, как она красива и как умеет любить. Все остальное — ее видение мира, целительство — не волновало меня. Я просто не обращал внимания на главное, надеясь, что сумею справиться с любой возникшей проблемой. Однажды она попросила меня вообще целый день не разговаривать сней.

— Да что стобой такое? — не выдержав, закричал я. Даша молча опустила глаза, прижалась ко мне и произнесла:

— Еще рано. Подожди. Скоро я все объясню.

И я соглашался, и за этот день мои чувства обострялись — я ждал наступления следующего дня и считал минуты до нуля часов нуля минут. А потом врвался в ее мир и таял в нем, забывая обо всем.

В тот день, когда мы вернулись из деревни, мне показалось, что Даша привезла с собой в мою квартиру часть того, деревенского мира. Естественно, холодильник стал мал, и пришлось сделать полки на лоджии. Она навела свой порядок, и в квартире стало чисто. Раньше, когда я жил один, что-то всегда было не так. Конечно, я убирался и пылесосил, но все равно любой, кто приходил, видел, что здесь живет холостяк. Теперь же все изменилось — она вдохнула жизнь в мое жилище, мне в квартире стало приятно: появились свежесть и легкость.

Вспоминая осенние месяцы, я всегда думаю, что это был сон. Красивый сон о каких-то совсем незнакомых мне людях. Я не могу сейчас поверить, что это были мы. Все происходило словно в сказке. На работе я успевал сделать все важные дела и никогда, как раньше, не задерживался. Ле-

тел счастливый домой и ждал встречи с любимым человеком. Я не мог поверить, как можно так сильно соскучиться за несколько часов, но тем не менее все это происходило со мной, и я это отчетливо помню. Иногда воспоминания всплывают так ярко, что я могу до секунд пересказать все события, происходящие с нами. Мои друзья и сослуживцы стали так часто приходить в гости, что это в какой-то мере стало утомительно. Я рвался, ревновал, хотел поскорее остаться с Дашей наедине, а они засиживались и не уходили. Буквально все мои знакомые были влюблены в нее. Ее заразительный смех и нежный голос обвораживали их. Я был счастлив и одновременно стал ревновать ее. Но моя ревность не вырывалась из меня, и я никогда не делал ей ненужных упреков. Мне кажется, Даша все понимала и старалась не давать лишних поводов для ссор и ненужных мыслей. Как это у нее получалось, я не знаю. Но она умела угодить всем. Мои дела на работе стали идти еще лучше. Меня повысили, и я стал зарабатывать намного больше. При той, старой зарплате нам денег и так хватало, а тут буквально повалило. Стали появляться неожиданные клиенты с интересными и выгодными предложениями. Начальник прыгал до потолка и, как порядочный человек, всегда раздавал приличные премии.

Однажды на одной из корпоративных вечеринок Даша просто удивила меня. Я взял ее с собой, чтобы она посмотрела, как сейчас веселятся в городе. Директор арендовал ресторан на весь вечер, и все мои сослуживцы заранее записывались в очередь, кто с ней будет танцевать. Я видел все это и смеялся над ними. Они по сто раз спрашивали: «Ты-то не возражаешь?» Я не возражал, но всегда отвечал, что этот выбор остается за ней: «Если она пожелает с вами танцевать, я буду только рад». Но в тот вечер так никто и не смог уговорить ее хотя бы на один танец. Все они принадлежали мне. Я был счастлив, весь мужской коллектив нашей фирмы обзавидовался, а юное поколение даже угрожало, что кто-нибудь да уведет ее от меня.

— Найдется какой-нибудь банкир с кучей денег, и все — уведут от тебя твою Дашу, — говорили они.

Но я был настолько уверен, что даже не отвечал им. Так, ухмылялся, а про себя думал: «Нет, ребята. Вам в этом холодном и бездушном городе не понять, что такое любовь. У вас все пластмассовое, ненастоящее, и за каждым хорошим делом обязательно кроется подвох — или деньги, или новые выгодные связи. А между нами все не так — нет корысти: все чисто и честно. Вот уже несколько месяцев бушует это пламя любви и только разгорается все сильнее и сильнее».

Юноши шмыгали носами и не понимали, что она во мне нашла. Вся их любовь была спрятана в сотовые телефоны: сообщения и недолгие звонки, чтобы сильно не потратиться, да еще короткие встречи, и все бегом, на ходу, не так, как у нас, бережно, нежно, от души. Я им пытался объяснить, но они просто не понимали моего неизвестного им языка. Девушки в офисе — те да: они чувствовали и завидовали, но при первом же выгодном знакомстве почему-то сразу забывали об этом и хвастались перед подружками, в каком клубе они были и сколько новый бойфренд вывалил денег за вечер. Я пытался как-то с ними поговорить, но увидел, буквально прозрел, что эти девушки очень похожи на умудренных жизнью опытных дам, и в них совсем не чувствовалось юности и романтизма. Если бы я не видел их внешность, решил бы, что это какие-то разведенные женщины. Они торопились продать себя повыгодней, пока не постарели. Они мечтали в курилке выйти замуж по любви, но тут же обращали внимание на появившихся клиентов и видели в них свои варианты замужества. Любовь, душа — все отходило на второй план, а на первом оставался четкий строгий финансовый расчет. Они сами себе сто раз повторяли одну и ту же поговорку: «Счастье не в деньгах», — и сами отвечали на нее: «Но и без денег нет счастья». При этом они смеялись, кокетничали и старались быть самыми яркими и заметными.

Вскоре я устал делиться с ними своими радостями жизни. Понял: эту трехметровую стену ничто не сможет разрушить. И юноши, и девушки стремились к лживому благополучию, совсем не понимая, какая жизнь спрятана

там — за деньгами. Я продолжал жить: любить, наслаждаться каждым днем и быть счастливым. Вскоре и коллектив привык к моему возвышенному состоянию. Они перестали обращать внимание на мои радостные глаза и довольную физиономию. А Даша оставалась для всех загадкой. То, что в нее влюбились все, даже директор, тайной не было. Я старался, чтобы она не приходила ко мне на работу, но говорят: «Как ни прячь, все равно увидят», — так и случилось. Директор всеми силами старался уговорить Дашу пойти к нему секретарем. Причем предварительно он обговаривал все это со мной. Я не старался быть феодалом и выбор оставлял за ней, и Даша, зная это, так мило всем, в том числе и директору, отказывала, что на нее даже и обидеться было невозможно. Я-то понимал, что для директора Сергея Владимировича это первый шаг, а дальше стандартная бомбардировка подарками и всем остальным. Цель — постель. Даша хоть и не жила в городе и не знала этих подводных камней, но она все чувствовала. Знала каждого, видела их изнутри и открывала мне глаза на тех, кого я когда-то уважал. Она все заранее чувствовала и не стесняясь отвечала: «Да вы что, я так сильно мужа люблю, что не смогу без него ни секунды». Ей говорили, что мы весь день будем в одном офисе, но она снова смеялась и отшучивалась: «Вы же не разрешите нам использовать в рабочее время ваш диван, да и кто из нас работать сможет, если мы рядом будем». Все смеялись, а директор покусывал губы. Я видел, как он горел, и понимал его. Я сам еще полгода назад так же горел, жался на лавочке, следил за ней с чердака и не мог смотреть в глаза открытым взглядом.

Понимая, что все это может отразиться на мне, Даша так ловко отошла в сторону от моих знакомых и сослуживцев, что я и сам удивился. Она не позволяла никому, даже девушкам с работы, приходиться к нам, когда меня нет дома, и самое главное — умела ласково, но прямо в лоб спросить о намерениях. Любой человек тут же терялся и чувствовал себя неудобно. А я продолжал удивляться всем ее талантам. Я был счастлив и одновременно видел очень сильного человека рядом с собой. Она могла не только постоять

за себя, но и за меня. Мой тыл был надежен, я и не задумывался о том, что кто-то начнет ухаживать за ней или, удивив богатством, уведет. Нет, здесь все было настолько невероятно, что при нормальном положении дел в обыкновенной семье такого просто не бывает. Возможно, способности Даши исцелять людей были настолько сильны, что она могла влиять на каждого, а это помогало ей разговаривать с ними на их больном языке, отравленном деньгами и властью. Как все это помещалось в ее хрупком теле, я не понимал, но видел ее силу и с каждым днем чувствовал ее нарастание: мне казалось, что и я начинаю открывать в себе что-то неизведанное. Проходимцев и залетных людей я стал вычислять без ошибки. Все сомнительные дела и договоры открывались передо мной, как страницы сто раз прочитанной книги. Директор после отказа Даши от работы долго со мной не разговаривал. Здоровался и спрашивал только по делу, но не прошло и двух недель, как и он изменился. Наши отношения стали прежними. Нашел он себе новую секретаршу и все чувства, рожденные к Даше, обрушил на нее. Эта девушка, Софья, была даже похожа чем-то на нее и по просьбе Сергея Владимировича отпустила волосы и покрасила их в тот же цвет, но это сходство было лишь внешним. Я разговаривал с ней и о работе, и о жизни. Увидев ее пустоту и то же самое дикое желание повыгодней себя продать, понял, что она — обыкновенный продукт города, воспитанный в его сухих и жестких правилах. А директор сразу оттаял и гордился приобретенной копией. Мне почему-то было жалко его. Ведь он, умный человек, хорошо зарабатывающий, мог влюбиться по-настоящему, и пусть эта любовь продлилась бы недолго, но она бы была, и она бы оставила в его душе красивые воспоминания. Ведь те самые переживания, страсть и стремление быть рядом не купишь и не создашь ни за какие деньги. Он пошел по простому протоптанному пути. Его любят — любят его кошелек, он при этом себя реализует, удовлетворяет, и этого достаточно. Для него это все — предел. А жена дома — домработница, все понимающая терпящая женщина. В деревне бабы терпят побои, а в городе ложь, и еще неизвестно, что

страшнее. Сорвался мужик, напился, побил, но потом какая у них любовь начинается. Он и цветы дарит, и на тракторе катает — любовь, хоть и прожили лет двадцать. А в городе жена сначала следит, потом понимает, что ничего изменить не может, жалеет детей, их благополучие и терпит себе в тряпочку. Иногда срывается, но все заканчивается скандалом. Любви нет — есть слова, объяснения, новое вранье и заглаживание вины дорогими подарками. Через день-два все начинается снова. Вот и жалуются женщины, что перевелись мужики, а женщины что, не перевелись? Девчонка, школьница с открытым взглядом — редкость. У всех уже прицел настроен. Они знают, каково это в бедности с пьяным отцом жить. А те, у кого родители богатые, даже и не смотрят на сверстников со слабым или средним материальным уровнем. Они подрастают, заканчивают институты, а потом начинают с бешенством искать вариант. Девяносто девять не видят мужчину, кто он такой, — отсюда и разводы. Так что девушки с чистой душевной и бескорыстностью так же перевелись, как и хорошие мужики. Все — равноправие — равновесие. Подарил машину — год любви в кармане. Купил шубу — еще на полгода можешь рассчитывать. А тут раз — еще одна глазастая. Она тоже машину хочет, и шубу, и все остальное. Согласна на любые прихоти, с детства любит седых и толстых-добрых и даже испытывает особое удовлетворение в этом. У каждой своя сказка — правда даже и не рождается. Что это такое? А если любовь кончилась? Ну надоела, и все. Начинаются театральные сцены с бездарным исполнением. Лютятся сопли, слезы, такие же силиконовые, как и все остальное. Мне на работе ребята сказали, чтобы я их в деревню за невестами свозил, но я отказался. Из деревни приезжают хищницы. У них хронический голод. Первый мужчина — это этап, чтобы вырваться, второй — чтобы подняться, а третий для души — чтоб в этой душе лежала обеспеченная старость и хроническая слепота. Но случаются промежутки — их не избежать, и туда попадают двадцать восемь алкашей, двенадцать идиотов и один романтик. Все они никак не могут быть частью старости, потому что не умеют правильными глазами смотреть

на целюлит. А если найдется один с голодными глазами собаки — преданным взглядом, то он — исключение, и за его талант понимания прощается нехватка денег. При этом бедолага — раб в постели и слуга в жизни.

Женщина скучает, ей нужно, чтобы ее трепанули, растолкали, взбудоражили. Тогда и жить хочется, и плевать на то, что рядом топчется. Русская душа взрывается. Ведь что-то там внутри, ниже живота, тянет, напоминает, требует. Вдруг откуда-то попадается настоящий электрик или не знающий города паренек с заправки — но это только на раз, ну два от силы, чтобы оторваться, насытить все поры разума и отверстия тела. В голову ударяет жидкость, пятки смазываются уверенностью, в душе рождается вера в собственную привлекательность, и начинается поиск того, кто станет им. Но этот кто-то «им» давно занят. Лишь некоторые умеют выдернуть лакомого мужичка с кошельком. Остальные натываются на острые зубы волчиц — хранительниц очага, и желание угасает: через этот зубастый забор не перепрыгнуть. Вот и остается прослойка незанятых. И из этого утиля приходится выбирать. Но и здесь иногда засада кроется. Любви-то нет — ей неоткуда взяться. За неделю надоели друг другу и вступили в общество живущих в пустоте. Выхода нет — дальше все — деньги давай! И они не знают, как им быть и за что платить. Рядом ходят и помоложе, и подешевле, и без претензий. Мечутся бедные, ищут, и те, и эти, и одновременно начинают понимать, что плывут рядом по подземному течению. Не способные воспроизводить что-то чистое и открытое. В их умственном компьютере этот файл удален со всеми корнями. Зато калькулятор продолжает работать до того момента, пока еще хочется купить пудру и помаду.

Я смотрел на них, а сам все время думал о ней. Задавал себе вопросы:

«Почему именно мне все это открылось? Ведь я такой же городской паренек, не отличающийся от остальных, — или, может быть, другой? Они тоже любят деревню и с удовольствием обустривают свои дачи, но все равно что-то в этих людях другое».

А однажды я сам себе задал настолько неожиданный вопрос, что испугался ответа:

«А может, все эти чувства: любовь, нежность и всю остальную блажь — создала во мне она? Да, вот так увидела паренька, засидевшегося в девках, что-то сделала, открыла в нем дверь к застоявшейся любви и нежности, сломала невидимую броню или включила неработающую часть мозга и загрузила ее до отказа страстью и любовью? А если это так, то она в любой момент может все это выключить одним движением руки: раз, и все. Я снова стану, как все, сухим противным сплетником, обсуждающим машины, квартиры и знаменитостей».

Ко мне не первый раз приходила эта мысль, и даже в деревне и при первых встречах я опасался этого. Молчал, отказывался верить, но где-то в душе мой голос, наверное, именно об этом кричал. Я не слушал его тогда, но теперь — словно переключило. Мне показалось странным собственное состояние. Не может нормальный человек полгода таять и летать в облаках. Ученые говорят, что чувство любви продолжается три года, а я всего полгода с ней прожил и уже засомневался. Значит, все нормально. Была бы она обыкновенной — вопросы бы не возникали. Но она все равно умеет что-то делать с людьми. Кто дал ей эту силу, бог или дьявол? Почему она боится получить от меня кольцо и скрывает какую-то тайну? Все оттягивает ее разрешение и не говорит, в чем дело. Нет, конечно, что-то здесь не так. Но я пошел на это сам. Я понимал, что влюбляюсь в непростую женщину. Возможно, она ничего не делала, но ее сила на подсознательном уровне все равно влияет на меня. И что я могу изменить? Ничего. Вот именно. Нужно смириться с этим, верить ей и любить. Во всех сказках говорят герои, что любовь самая сильная. Она и горы двигает, и людей спасает, и радость со счастьем приносит. Причем живет по своим законам. Решила любовь в душе поселиться, увидела человека — раз, и в нем. А он весь запрограммирован. Попал человек в больницу с нервным срывом, не может просчитать на своем компьютере, что с ним. Постепенно сгорает, сам не зная, что происхо-

дит. А если и знает, то гонит из себя, чтобы не выглядеть смешным. А та, к кому эта любовь направлена, так далеко — в другом мире. И вот они ходят рядом и не смотрят друг на друга. Видит это все любовь и думает: боже, куда я попала?

Слава богу, со мной того не случилось. Я сразу отозвался, отреагировал. Помучился, подрался, в общем, заслужил ее — отбил от того мира. Но почему? Как я смог все это сделать? В том году я боялся всего: пьяных, дурных, уголовников. А тут вдруг увидел и героем стал. А может, так и должно быть? Может, это и есть — по-настоящему? А мысль сверлит, и внутренний голос уже глотку сорвал: неужели приворожила?

Я долго тогда не мог успокоиться и в конце концов решил: ну и пусть! Раз приворожила, значит, я и вправду ей понравился. Новот одно меня смущает. Она говорила, что моя чистая и настоящая любовь спасет ее. И если она во-все не любовь, а так — сильное желание, то, значит, ей так и надо. Нет, не делала она ничего сомной — полюбила, и все. Только вот чувствую, что придется мне с ней помучиться. С ее целительством и всякими там заговорами-приговорами. Начнут люди в дом ходить, как она изменится — неизвестно.

Я помню тот день, когда я подумал об этом и взволнованный шел домой, но дома все рухнуло, все сомнения и домыслы. Я увидел ее глаза и понял, нет, это не приворот и не заклятье — это любовь. Она со своим чутким видением сразу все поняла, и я увидел, как она расстроилась, как заплакала ее душа. Оказывается, Даша боялась этого вопроса, а я его и задать-то не успел — она сама ответила:

— Я тебе честно говорю и могу поклясться чем хочешь: я с тобой ничего не делала — просто полюбила, и все. Если бы ты знал, насколько опасна эта любовь для меня, ты бы не обижал меня этим.

— Опасна? — удивился я.

— Да. Ты же знаешь, кто я! Мне нельзя самой так влюбляться, нельзя венчаться, нельзя надевать и принимать в подарок кольца! Знаешь, сколько этих «нельзя» стоит во-

круг меня? А я все равно люблю, потому что не могу сдерживать в себе, не могу прятать эту чистую силу в себе. Она в сто раз сильнее всех способностей. Ты что думаешь: зря люди полвека рассказывают сказки, что любовь сильнее всего на свете? Вот если ты сможешь отстоять ее, так же как и я,— тогда нам никто не страшен!

«Во, про сказки вспомнила. Может, она и мысли читать умеет? А может, и планета ее не в нашей галактике? Нет, все это шутки».

— А почему я должен тебя отстоять? — удивился я. — Перед кем я должен устоять, что может помешать нам?

— Не хочу я об этом говорить, но знай — бороться придется! Я же вижу, что ты любишь меня не меньше моего, для этого никакой дар не нужен, но кроме этого ты должен быть человеком, мужчиной — воином!

— Воином?

— Да, именно воином. Я не хочу тебе рассказывать то, что я вижу. Зачем пугать раньше времени, ведь если ты сможешь устоять, то всего плохого, что может случиться, не произойдет! Все зависит от тебя!

В этот вечер я вспомнил лето, расстроенную тетку и подслушанный мною разговор. Да, я видел, как Даша готова ради меня на все, но готов ли я? Смогу ли я выстоять, и что вообще меня ждет? Эта тайна снова нависла надо мной, и всю неделю я думал, как лучше узнать о ней, но Даша придумала новый вариант и сказала, что рассказывать заранее нельзя. Тогда может случиться что-то еще более страшное. Меня напрягали все эти тайны и недомолвки. Я быстро устал от них, ведь изводил себя этим незнанием и днем и ночью. Даша заметила мою усталость. В один из выходных мы пошли погулять по городу, и она завела меня в храм, но сама туда не пошла. Попросила зайти и поставить всего одну свечку. Я не мог отказать ей, она так нежно и ласково уговаривала, что я пулей забежал в храм и уже внутри опомнился. Сейчас я вспоминаю это первое посещение храма. Помню, как на меня нахлынуло нечто тяжелое и одновременно легкое. Я почувствовал силу, уверенность и спокойствие. Помню, как спокойно прохаживались в хра-

ме старушки. Мужчина с двумя девочками молча стоял у иконы. И спокойствие. Это спокойствие вошло в меня, растворило все зло, все сомнения и страхи. Я подошел к лавке, купил свечу и долго не мог сообразить, к какой иконе ее поставить. Неожиданно я почувствовал взгляд. Мне показалось, что кто-то знакомый наблюдает за мной. За последнее время я стал настолько чутким, что не удивился этому. Продолжая искать нужную икону, я не оборачивался и не желал увидеть тех, кто меня знает. Но это желание обернуться и посмотреть стало расти. Я вновь почувствовал смелость и решительно обернулся. Вокруг никого не было. И именно там я увидел тот самый взгляд. В центре стены находилась икона Богородицы. Это именно она так пронзительно смотрела на меня, и я, почувствовав это, увидев ее глаза, замер на месте. Ноги стали ватными, и я, через силу ступая, подошел и, не отрывая от нее взгляда, зажег свечу и поставил ее на подсвечник. О чем я тогда думал? Что говорила ей моя душа — не помню. Помню лишь то, что долго не мог отойти от этой иконы, а потом как-то сам спокойно ушел. До этого я заходил в церковь и ставил свечи: поминал родителей и даже заказывал службы, но никогда я не испытывал такой близости к Богу. Он обратился ко мне, и это тоже был знак. Я лишь потом понял, что такое церковь и какое место она занимает в душе народа. Спасение — все ищут там спасения и помощи, а может, иногда стоит вот так зайти и поставить свечу, чтобы разобраться в себе, увидеть, что происходит рядом. Но есть еще одна важная вещь: именно там рождается ответ, что делать дальше. Нужно лишь поверить и довериться Богу, а он на непонятном для восприятия уровне входит и говорит с тобой. Мы думаем, что это наши мысли, верим в то, что церковь успокаивает и в этом состоянии легче что-то решать. Но нет. Сила Бога в том и заключается, что он не виден — и при этом он везде и во всем. А если сумел войти в храм, то не нужно торопиться уйти. Дела подождут, главное — проникнуться и услышать себя. Этот голос подскажет верное решение, потому что он и есть Бог.

Я помню, как Даша улыбнулась, увидев меня. Она помогла мне и моей душе. Искала не просто выходы, она соз-

давала четко сформированные поступки, а они отражались на всем. Это наводило на мрачные мысли, что она влияет на мою жизнь. Возможно, она делала все это по привычке и не обращала внимания на то, что могло вырваться, не подчиниться ей. Если бы кто-то или что-то смогли разорвать эту связь, она бы заметила свое влияние и, возможно, очнулась от этого сна. Как-то начала бороться с этим даром-привычкой. А так все шло по накатанным рельсам. Где заканчивалась чистая любовь, страсть и начиналось ее влияние, было непонятно. Даша привыкла управлять, все делала верно, не выходя за границы дозволенного. Любое нарушение правил с ее стороны лишило бы ее этой тайной, живущей по своему закону силы: она потеряла бы нить и не смогла удержать нужных ей людей. Мне хотелось все эти мысли прогнать, но факты давили и подтверждали. Она привела меня к церкви, где я успокоился и что-то понял. Почувствовал силу и влияние высших сил. В моем сознании родилась мысль, что есть поддержка. Эта помощь со стороны Бога и веры сняла напряжение и вернула меня к ней. Она опять добилась своего, но главного Даша не учла — мысли остались. Конечно, мне стало легче, и я снова почувствовал прилив любви. Хотелось забыть все плохое и жить дальше, но внутренний голос — мой тайный советник — не замолчал. Он, словно в рупор, кричал изнутри в уши: пойми, увидь, остынь, не поддавайся!

Именно в тот день я впервые заметил, что ее улыбка не настоящая. Что за ней было скрыто — страх или злость, — я не знал, но я четко ощутил всю ее темноту. Не мог поверить, что в любимом мной человеке есть что-то черное, но я сам увидел это и обманывать себя не хотел. Сначала решил, что все это мои домыслы — сам себя накрутил, завелся, вот и кажется то там, то здесь присутствие опасности и лжи. Наверное, каждому человеку плохо, когда бывает сильно хорошо. Он, словно одурманенный, ничего не замечает и, счастливый, сам себя ведет к удару. Но почему она клялась, возлагала на меня надежды на ее спасение? Что-то оставалось здесь неясным, и я решил оставить Дашу на пару дней одну. Хотел вырваться из-под ее влияния и уви-

деть все со стороны. Уговорил директора, и он отправил меня в командировку. Где-то на берегу Волги наша фирма курировала постройку коттеджей. Я уехал туда. По работе я понял, что проверять там нечего. В этих краях мужики держатся за хорошие места, план постройки идет согласно графику, в общем, все было нормально. Я отоспался в гостинице и уже в первый же вечер почувствовал, что не могу без нее. Вышел в город и, увидев церковь, отправился туда. Зашел, поставил свечи и вдруг понял, что я не могу себя назвать неверующим. Я стал верить в Бога, в то, что он может помочь и в трудный час наставить на путь истинный. Сам купил молитвенник и стал читать молитвы. Эти тексты были понятны мне, и казалось, они были обо мне, о моих грехах и просьбах. Я все это повторял каждый день и до этого: просил оградить от бед, помочь в работе, любви и простить ошибки. Особенно мне понравилась молитва оптинских старцев. Я почувствовал искренность этих слов и стал читать ее каждое утро. Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, как за несколько месяцев я пришел к Богу. Мне не верилось, что я, образованный человек, буду молиться и испытывать при этом какие-то чувства. Раньше все это казалось чужим, но теперь я не мог выдернуть веру из своей души, я чувствовал потребность в ней.

В тот день я вышел из церкви, вернулся в гостиницу и, не выдержав, уехал домой. Даша, улыбаясь, встретила меня и что-то пошутила насчет неожиданного возвращения из командировки. Я понял, что стал героем анекдота, но не усомнился в ее преданности и честности. В этот же вечер позвонил директору и все объяснил. Шеф — этот сухой, любящий манекенов человек — почему-то понял, что в наших отношениях появилась трещина. Он непонятно почему рассказал о том, как сам несколько лет назад страдал и мучился. Услышав это, я был крайне удивлен, но потом понял его сегодняшнее состояние: Сергей Владимирович закрыл все входы и выходы в себя, он отгородился от слабого пола железобетонной стеной, спрятал свою душу, чтобы ее не рвали, и в таком состоянии стал жить и брать от жизни все, что попадалось под руки и падало, как го-

ворится, на глаз. Он смог себя спрятать, а я оставался открытым. В мою душу протоптали дорогу и разбили в ней колею, а была раньше маленькая зеленая тропинка: она виляла и увлекала — мне казалось, что сейчас в меня кто-то входит и выходит, и я даже не знаю, кто это. А любовь, как ширма, удерживает и не дает вырваться. Да я, собственно, и не очень старался. Прогнал из себя все дурное, постарался видеть лишь хорошее. Его действительно было много: от вкусного борща до нежного тела. Я жил, наслаждался и ждал. Тогда я уже четко понимал, что меня к чему-то готовят. Когда я впервые был приведен Дашей к церкви, я почувствовал в себе силу, потом забыл о ней, но о другом я вспоминал часто: именно в тот день тьма, живущая в ней, впервые показала свое лицо. Сегодня я осознаю, насколько трудно было Даше заставить меня войти в церковь. Ей туда ни при каких обстоятельствах заходить было нельзя, да и подходить тоже. Она ради моего спокойствия пошла на это, нарушив все, что только можно было нарушить в своем темном и тайном мире. А поводом для такого поступка послужили мои надуманные сомнения, которые даже она со своей силой не смогла разрушить и изгнать из меня.

Как часто мы сами надумываем себе что-то невероятное. Выдумываем события, поступки. Они еще не произошли, но мы в них верим и ждем, когда же что-то обрушится на нас. Как просто порой забыть о своих страхах и сомнениях, нет, скорее нам только кажется, что мы можем так поступить: забыть — и все. А они всплывают и тянут нас в неизвестную бездну пустоты, где нет ничего, только наши сомнения, с которыми мы не можем справиться. И поводов для их рождения и формирования в сознании столько, что сам удивляешься, насколько сильно может загнать себя человек в собственные страхи. Просто так плюнуть и отвернуться нельзя, это сильнее любого из нас, и единственный выход — церковь. Объяснить, что именно происходит там, невозможно, но любой верующий и неверующий человек всегда находит успокоение в храмах и церквях. Что именно он обретает? Силы, способные бороться с сомнениями, — или вспоминает, кто он? А может, Господь, обра-

щая на нас внимание, дает каждому шанс увидеть все наиболее внутри со стороны. Все может быть, объяснения этому нет. Как можно объяснить чувство благодати? Это за пределами нашего понимания. Только почувствовав его, можно прикоснуться к истине, свету или непонятной, проникающей во все энергии, силе, которая спасает нас в самых тяжелых и непредвиденных ситуациях.

В тот день Даша совершила очень смелый поступок. С одной стороны, она оттолкнула меня от себя, показав свое тайное лицо, но с другой — дала возможность почувствовать силу, способную помочь и спасти себя и ее. Для нее этот путь был закрыт, но для меня нет. Она открыла эту дверь и, наверное, именно тогда родила надежду, что я действительно смогу устоять и что-то сделать. А поможет мне в этом вера. Она чувствовала и, возможно, знала это с самого начала. Я сделал первый шаг, а дальше... Нужно было идти по выбранному пути, разрушая все преграды, и освобождать нас. И ничего, что этот первый шаг помогла мне сделать именно она. Ведь Даша была уверена, что именно я смогу помочь ей: не Семен, не кто-то другой, — а именно я. В этом и была ее дар предвидения, и поэтому она полюбила такого, как я. Видя во мне не только чистого и смелого человека, но и воина, который победит окружающее ее зло. Но сам я не был готов к этому. Для меня все происходящее было сказкой, к тому же я не знал, с чем и как мне бороться, от кого спасать. Можно было настоять, заставить Дашу все рассказать, но она магически уводила от этого разговора, успокаивала и обещала все объяснить в тот момент, когда придет для этого время. Я понимал, что нельзя форсировать события, что-то должно быть перед тем, как Даша решит мне все рассказать, и я стал ждать — готовиться и ждать. Ее предвидения все же могли изменяться, какие-то события происходили вне ее воли, и она умело подстраивалась под них. Изменение одного тянуло за собой целую цепь событий, о которых раньше Дарья не знала и не могла предвидеть их. Поэтому она всегда болезненно воспринимала изменения. Но когда их не было и все шло спокойно, Даша словно отключалась, забывая обо всем, плыла по

увиденной заранее реке в надежной лодке. Мне же оставалось просто довериться ей, так как свернуть и отказаться я не мог. Дальше было только одно — стоять и бороться до конца, добиваться своей цели, сражаться за любовь, за человека, который поверил именно в тебя. И пусть она живет не совсем обычной жизнью, моя цель — привести ее ко всему, о чем она мечтала, и разрушить то, от чего Даша хотела избавиться. Наши отношения продолжали удивлять. Они не ухудшались, не изменялись, лишь только я временами чувствовал непонятное напряжение и опасность. Возможно, все это происходило оттого, что я действительно любил ее. А страхи и домыслы — трудно от них спрятать себя, тем более что неудачный опыт у меня уже был. Со своей бывшей женой мы прожили недолго, хотя и любили, и продолжаем хорошо относиться друг к другу до сих пор. Так получилось в жизни, что она не смогла отказать человеку, страстно полюбившему ее, а я со всеми своими хорошими качествами остался в стороне и долго не мог понять, почему моя жена пожалела одного и наказала другого. Точнее, она наказала себя. Нельзя строить любовь на чьем-то горе, а я действительно сильно переживал, когда узнал об ее измене. Мы развелись, но даже не поссорились. Жена честно во всем призналась, и я постарался остаться другом. Но что тогда произошло на самом деле? Она привыкла ко мне, притерлась, а тут интересный, богатый, да еще и с пылающей любовью в глазах. Жена поступила правильно: понравился ей другой, ушла к нему, а ведь могла бегать на сторону при мне, но не стала делать этого. Да и как делить себя на двоих? У женщин с открытой душой это проблема. Им нужен костер, мясо и только он — первый и единственный. Если бы она тогда устояла и мы остались вместе, вряд ли сегодня появилась бы Даша. Я бы не смог — или смог? Вот приехал бы с детьми в деревню, а тут она в своем сарафанчике с рюшками. Посмотрела на меня и убила наповал. Что тогда? Развод, дети страдают, брошенная жена в постоянной истерике. Женщины говорят, мужчинам проще, — не уверен. Есть такие, кто может справиться с этим, но есть и сильные женщины. Они тоже могут отряхнуться и идти

по жизни дальше, а я? Я бы смог бросить ради нее детей? Не знаю. Да и детей у меня никогда не было. Она разрушила свою семью из-за меня. К такому поступку нужно относиться серьезно: Даша действительно хотела этого. А то, что целительница, — не главное. Ведь она еще и женщина, да какая. Бог наградил ее красотой, но она не пользовалась ею. Моя бывшая жена тоже симпатичная женщина. Мы понимали с ней друг друга, знали, что нужно для души, а что для тела, но по сравнению с любовью к Даше отношения с бывшей женой скорее можно назвать крепкой дружбой с чем-то еще. Мы развелись. Она поняла, что ее новый муж никакой ей не друг, у него своя жизнь. Она, конечно, часть его мира и мать его детей, но не та часть, какой была для меня. Мы были единым организмом, и он просто заболел. Вылечить его мы не смогли, поэтому и развелись. После этого прошли годы. Многих я встречал, красивых, добрых, но не смог им поверить так, как Даше. Я иногда стеснялся собственных мыслей, когда представлял, что она может поступить по отношению ко мне нечестно. Нет, этот человек знал, как нужно жить, любить и не доставлять любимому ненужную боль. Мало ли там кому она понравится, и что, всех жалеть? Ведь каждый на самом деле думает только о себе, желает удовлетворить свои потребности и идет ради этого на хитрости. Вот — директор, ясно было, зачем он Дашу на работу звал, хотелось мне ему все высказать, но работу терять было жаль. Я надеялся на преданность Даши, и она не подвела. Ушла от его заигрывания так ловко, что он долго не мог понять, как эта девушка выскользнула из его цепких рук.

Все было прекрасно, мы жили и наслаждались каждым днем. Постепенно все домыслы и комплексы ушли, они растворились в нашей преданной любви друг к другу. Единственное, я как самый обыкновенный человек задавал себе вопрос: сколько времени все это продлится — вся эта эйфория чувств. Замечено, что у нормальных людей такое состояние длится два-три года. Мы прожили всего полгода, так что времени еще в запасе было много. Но кроме этого я задавал себе и другой вопрос: а вдруг то, что происходит с

нами, будет всегда, до старости, и никто и ничто не сможет помешать нам? Я сам радовался этому вопросу и мечтал о чем-то несбыточном, но каждый раз мои мечты приводили меня к воспоминаниям о тайне. Той, что висела над нами. Несколько раз я попытался что-то расспросить, но Даша снова легко уходила от ответа, и я вновь почему-то успокаивался. Приближался Новый год. Этот особенный домашний праздник я любил больше всего. Иногда ездил встречать его в деревню, несколько раз отмечал в доме отдыха, но всегда мечтал только об одном. Встретить Новый год в собственной семье. Обязательно должны быть дети. Они будут шалить, отвлекать, все увлеченно станут наряжать елку, а за ней накрывать стол, и потом — все соберутся, послушают президента и под звон бокалов одной семьей дружно вступят в новый год, который обязательно принесет что-то хорошее. Вот и мы решили встретить этот праздник по-домашнему, хотя нас многие приглашали к себе.

Я помню, как мы пошли на рынок и закупили всего самого вкусного. Денег я не жалел. Даша очень вкусно умела готовить. Причем из самых простых продуктов, того, что обычно есть в деревне, она могла приготовить несколько разных блюд. Ожидали Нового года с волнением, а когда пробили куранты, мы встали, выпили шампанского, поцеловались и пожелали друг другу всего, что только могут пожелать любящие люди. Я быстро наелся вкусных, приготовленных к празднику блюд и, удобно устроившись, стал смотреть телевизор, а она села рядом, прижалась ко мне и долго молчала, ни о чем не спрашивая.

Вот, кажется, ничего особенного в этот новогодний праздник не произошло. Просто поели, выпили и стали смотреть новогодние программы, но сколько хороших впечатлений оставил этот вечер. Мой дом расцвел разноцветными красками. Он казался мне добрым и уютным. Домашнее тепло было во всем, и мы, счастливые, были рядом и совсем не думали о том, что нас ждет в наступившем году. А за ним наступили новогодние выходные. Мы много гуляли, посещали кинотеатр, каток и ходили в гости к моим старым приятелям. Все нам были рады. Даша так легко

знакомилась, что я даже завидовал ее умению делать это. Мысли и домыслы растворились, я как-то подумал, что она и к этому приложила свою руку, но сам себе не поверил.

На Рождество я ходил в церковь, а она дошла со мной до забора, но не пересекла запретную для нее границу. Я поставил свечу, попросил у Бога простить нас и про себя подумал, что скоро приду сюда еще раз и обязательно попрошу помощи и поддержки. Почему я так подумал, не знал, все произошло само собой. Я поставил за нее свечу, но не рассказал ей об этом: знал уже, что Даше это не понравится. Хотел, чтобы Бог простил ее, если она в чем-то виновата. Для меня, ставшего верующим, было непонятно, почему она боится церкви. Лечит людей, детей, всем помогает, спасает, добрые дела совершает. Я думал, что все это исходило от церкви, веры и Того, кто управляет всем миром и наделяет способностями. Но Даша наотрез отказывалась посещать церкви, и ответ ее был прост: мне нельзя. Почему? — спрашивал я ее. А она улыбалась и что-то объясняла. Слова были доходчивы, но пусты. Я не чувствовал в них силы, или, точнее, правды. Ложью их тоже назвать было нельзя, и я все это старался забыть. Не нравилось мне терзать ее, лезть туда, где я ничего не знал, а она, видя это, как-то старалась помочь, отвлечь. За Рождеством пришел Старый Новый год. Нас все же уговорили друзья, и мы пошли в гости. Плясали, веселились, а потом слушали музыку и смотрели фильмы. Как всегда, объелись — это порок всех русских праздников. Где-то я читал, что древние предки придумали бревна. Ложились на них, наклонялись и освобождали свой желудок от еды. А потом опять за стол. Мы, конечно, продукты не переводили и все в себе держали, так сказать, берегли. И вот в таком состоянии доехали до дома и сразу легли спать. На следующий день проснулись в обед и сразу пошли гулять. Мороз в тот день стоял хороший, но мы бродили по городу и не мерзли. А я все удивлялся нам и продолжал чувствовать в душе любовь. Как-то даже подумал: вот и хорошо, что Даша может управлять любовью. Никогда любить не перестану, а если что-то угаснет, она восстановит. Так что увидел в этом даже выгоду. От это-

го стало легко и спокойно. Вспомнил о бывшей жене. Вот если бы у нее все восстановилось сразу, она бы и не ушла от меня, но тогда, возможно, и не было бы Даши. Остановился в своих мыслях на старой поговорке: «Что Бог ни делает — все к лучшему».

А потом опять праздник, Крещение, и я снова пошел в церковь. Только теперь Даша осталась дома. Сходил, поставил свечи, постоял на службе и довольный ушел домой. Вернулся, а там уже стол накрыт. К нам зашли соседи, мы посидели, выпили и спокойно закончили тот вечер.

После новогодних праздников я пошел на работу. Почти месяц отдыхал. Директор разрешил. Наверное, он хотел, чтобы между нами все восстановилось, поэтому и отпустил меня как молодожена во внеочередной отпуск за свой счет. Работа в офисе закипела, и я полностью погрузился в нее. Мне некогда стало думать о нас, выискивать причины для сомнений, одним словом — переключился в другой режим. Возможно, если бы я раньше был так загружен, то не стал бы накручивать себя, видеть лишнее и заставлять ее успокаивать меня. Даша начала в свободное время, пока я был на работе, принимать людей. Она так все спланировала, что я не встречался с пациентами, лишь несколько раз, приходя с работы, заставал их уходящими из нашего дома. Я видел их лица и гордился тем, что моя жена может доставлять несчастным и больным столько радости.

Обряд

В начале февраля две женщины привезли очень тяжелую девочку. Что было с ней, я не знал, но, увидев ее, понял, что это лечение будет непростым и на него потребуется много сил.

Даша, по своей деревенской привычке, ложилась рано, когда я еще смотрел телевизор, и вставала с первыми лучами солнца. Через неделю девочка почувствовала себя лучше, и Даша назначила ей особый курс лечения: посоветовала отвезти ее в деревню. Там, на чистом воздухе, пи-

таясь домашними продуктами и парным молоком, она бы быстрее поправилась, ведь основная болезнь из нее ушла, осталось лишь набрать силы и восстановить утраченное здоровье.

Именно после этой девочки Даша стала замкнутой. В ее глазах появилась тяжесть и усталость. Она много спала и перестала нормально есть. Поначалу я не обратил на это внимания, ведь со мной подобные сбои также случались: я впадал в состояние хронической лени и мог проваляться на диване неделю. Но у нее все происходило по-другому. Усталость не уходила, цвет лица постепенно стал меняться, в нем появились землистые оттенки. Я решил, что так и должно быть и это состояние восстановления после столь трудного лечения ребенка. Мне было жаль ее, и я не мог ничем ей помочь — не знал, что нужно в такой ситуации делать. Когда-то я слышал, что каждый знахарь по-своему восстанавливается и очищается от человеческой грязи, ведь часть болезни он принимает на себя, а иногда забирает ее всю. Без этого нормальное лечение невозможно. Каждый из таких людей знает, как ему выходить из подобного состояния. Знала и Даша. Она попросила меня не беспокоить ее по пустякам и дать время, чтобы восстановить утраченные силы.

Наступившее двадцать третье февраля мы не отмечали. Даша весь день лежала под одеялом, а я, стараясь помочь ей, бегал на рынок, покупал деревенское молоко и мед, варил бульон, пытаясь заставить ее поесть. Кое-как осилив кружку бульона и полстакана молока с медом, она уснула и проспала весь праздник. Я молча сидел на кухне, придумывая, что мне с ней делать, куда везти и как лечить. К обеду следующего дня я точно решил, что отведу ее в больницу. Долго уговаривал, а она стояла на своем: говорила, что сама кого хочешь вылечит и скоро восстановит себя. Но я, увидев, что ей с каждым днем становится хуже, твердо решил и на следующий день заставил Дашу одеться и через силу пойти в районную поликлинику.

Врач-терапевт ничего толком не сказал. Определил, что у нее неважная кардиограмма, хроническая усталость

плюс весенняя нехватка витаминов. Выписал кучу таблеток, прописал совершать легкие пробежки, побольше пить молока — и в общем-то все. На этом ее лечение закончилось. Естественно, я не мог оставить такое положение дел. Нашел платную поликлинику, где ей выписали еще больше таблеток и уколов, но четкого определения болезни я не услышал.

В начале марта на ее нежном и красивом теле стали появляться темные пятна. Даша слегла совсем. Я взял отпуск и старался каждую секунду быть рядом с ней.

Что со мной происходило, объяснить трудно. Я отказывался верить своим глазам, хотя явно понимал то, что она гаснет у меня на глазах. Последние капли жизненных сил покидали ее, и она постепенно превращалась во что-то выжатое, выдавленное со всех сторон. Ее тело теряло силы с каждым днем. Я не мог поверить, что эта сильная девушка так быстро может умирать, но именно такие мысли посещали меня. Я больше не думал о ее приворогах и о той любви, что она создала во мне. Я понимал, что наши чувства настоящие: старался изо всех сил помочь ей, что-то говорил и не жалел денег на самые дорогие лекарства. Даша стала частью меня, и я чувствовал ее боль. Мне хотелось вытащить из нее всю заразу и забрать ее себе, но я не умел делать этого. Она видела мое отношение и старалась держаться. Чтобы хоть как-то поддержать меня, Даша через силу улыбалась, но болезнь не уходила. Она продолжала уничтожать ее. Я вызывал самых дорогих врачей, платил им хорошие деньги, но все лишь разводило руками. Некоторые делали уколы для поддержания сердца и общего состояния, но они не помогали. Жизнь, словно ручеек, утекала из ее тела, и я не мог остановить этого. Ее нежная кожа стала морщинистой и серой, пальцы вытянулись и казались длинными и сухими, лишь только глаза горели по-прежнему. Я видел в них и радость, и свет. Я просил, кричал, умолял ее рассказать, как можно мне, самому близкому и любимому человеку, помочь ей. Но она молчала и отворачивалась. А люди и пациенты продолжали приезжать. Однажды к нам приехала старуха Никитична из тет-

киной деревни. Поохала, повздыхала и уехала, увезла своего больного сына обратно. Она по возвращению в деревню рассказала моей тетке о нашей беде. Тетя Шура приехала сразу и в первый же вечер поставила диагноз, о котором знала заранее. Та тайна, что они скрывали от меня, стала явной. Она обрушилась такой тяжестью, что ближайшие два дня я не мог уснуть. Мучился, не веря в услышанные слова. Неожиданно вспомнил приснившийся в деревне странный сон. В нем я видел лицо: оно жило, пока я подбрасывал в печь дрова. Как только пламя прогорало, лицо старело и исчезало. Этот сон оказался символическим для меня. Нужно было поддерживать ее силы, но то, что предложили сделать мне, я выполнить не мог.

Тетя Шура взяла на себя все запущенное хозяйство, а я стал готовиться к главному действию. Все выздоровление Даши зависело от меня — я должен был просто взять и избить ее, как это делал Семен. Вытащить на дорогу и бить, не жалея кулаков. Дорога и ее кровь должны были присутствовать обязательно: это часть обряда очищения. Исцеляя людей, каждый знахарь подвергает себя опасности. А люди в знак благодарности расплачиваются злом: плохими словами, оскорблениями, предательством. Стараются обидеть. Никто не знает, почему в этом тайном мире души все именно так устроено, но расплата всегда болезненна. Одни спасаются деньгами, берут их и раздают нищим, другие принимают продукты, но все это спасает при слабых болезнях души и тела. Если человек поражен глубоко и сильно, его тело и сознание неподвластны ему, то очищение целителя в таких случаях особенно трудное. Одни пускают себе кровь, другие режут животных, особенно хорошо снимает грязь черная курица, а третьи, кто принимает болезнь в свою душу, страдают особенно тяжело. Для Даши подобным обрядом исцеления было ее избивание. Семен знал все это и четко выполнял свои обязанности. Со стороны это казалось дикостью, выбросом пьяной дури, но на самом деле Даша руководила всем этим процессом. Я вспомнил сочувствующий взгляд Семена. Он с жалостью посмотрел на меня. Еще тогда я увидел в его глазах все это. Хотел ведь

расспросить, выведать у этого мужика все, что он знает, но постеснялся, испугался и не стал этого делать. Я четко вспомнил, как прочитал в его взгляде жалость ко мне, тогда я не понял этого, подумал, что это всего лишь взгляд обиженного и побитого человека, но мой голос внутри подсказывал, что это не так: в его глазах кроме сочувствия и жалости горела свобода. Теперь-то я понимаю, как он устал исполнять свой долг. Возможно, этот мужик и драться-то не любил, но ему приходилось делать это. Когда и где они сошлись с Дашей, я не знал, но он был ее спасением.

Я отбил Дашу у него, и он отдал эту непосильную ношу мне. Именно поэтому я и увидел в его глазах свободу и радость. Семен всегда хорошо относился ко мне, уважал за честность и щедрость, и кроме чувства радости в его глазах было и сочувствие. Он все понимал и, наверное, хотел сказать. Я помню, как он, уходя, обернулся, а я, незнающий, влюбленный, не обратил на это внимания, не послушал свой внутренний голос и обрек себя на то, чего выполнить не мог.

Я долго думал, как ударить ее в первый раз. Представлял себе это, настраивал себя, но стоило мне подойти к ней и увидеть ее измученное лицо, все обрывалось, рушилось, и я превращался в слабого, неспособного ни к чему человека. Она ждала от меня действия, но по ее же правилам не могла попросить об этом, а я не мог тронуть это нежное, любимое создание. И пусть ее красота исчезла, пусть ее тело стало не таким, как прежде, все равно я не мог тронуть человека, в котором жила близкая и родная душа. Я обнимал ее, гладил, носил на руках. Видел, как она тяжестью своего взгляда просит меня об этом, но я не мог. Ей нельзя было просить меня об этом, а я не мог ударить ее. Третьим лицом оказалась моя тетка. Она настраивала, поддерживала и даже ругала меня. Говорила — любишь, так врежь ей посильнее. Вытащи на дорогу и побей немного. Я отвечал своей любимой тетке, что в городе это невозможно. Кто-то сразу вызовет милицию, и меня просто посадят. Нужно было найти машину, вывезти ее за город и там, как говорится, отвязаться. Я пробовал: вызывал такси, выезжал за

город, высаживал Дашу из машины, но на этом все и заканчивалось. Мы сидели на привезенных с собой стульчиках, и я, как дурак, начинал о чем-то причитать, говорить слова о лечении за границей или у хорошего целителя. Она сидела молча и смотрела на весенние проталины. Я вставал, возмущался, размахивал руками, орал, но так и не смог прикоснуться к ней. Через два часа возвращалась такси, и мы молча ехали в город. В дверях тетя Шура встречала нас, а увидев меня, даже не спрашивала, что и как. Она тяжело вздыхала и каждый раз просила у меня прощения. Я успокаивал ее, старался найти нужные слова, но тетка с сочувствием смотрела на мои попытки объяснить происходящее и произносила всего лишь одно слово: «Помрет».

На следующий день я пошел в церковь: отстоял службу, поставил свечи, попросил всех святых помочь ей. Мне казалось, что я могу найти способ. В душе все сжималось, болело. Я просил помощи у Бога, ждал совета, пытался разговаривать со священниками, но те либо отмалчивались, либо предлагали ей самой прийти в церковь. Даша не могла сделать этого, этот мир был закрыт для нее. Она просила тетку, чтобы я не просил у Бога для нее помощи и не ставил свечей за ее здоровье. Тетка возмущалась, но передавала мне ее слова. За последние дни Даша вообще перестала разговаривать со мной, и я не понимал, что происходит: где и в чем я ошибся, что сделал не так? Почему она отдалилась от меня и перестала общаться с самым близким и любимым человеком?

Через неделю мои руки стали трястись, как у паралитика. Под глазами появились синяки. Директор приехал проведать меня, но, увидев мое состояние, перестал звонить и напоминать о том, что мой отпуск закончился. По всей видимости, он понял, что я как работник кончился. Даша продолжала угасать. Срок оставшейся ей жизни стал исчисляться неделями и днями.

В один из дней я настроил себя и даже, по опыту Семена, напился. Представил, что вообще буду бить не ее, а боксерскую грушу. Пришел домой пьяный, но стоило мне увидеть ее, все тут же изменилось. Я выбежал в подъезд и

два часа выламывал кулаками чердачную дверь. Вездесущие соседи даже не позвонили в милицию. Все заперлись за своими железными дверьми и постарались не создавать лишних звуков, чтобы на них не обратили внимания. А я продолжал вырывать доски, ломать их и пробивать кулаками фанеру. Я мог разрушить весь этот дом, а вот к ней притронуться не мог. Я укорял, ругал и ненавидел себя за свое интеллигентное поведение. «Ну что это такое? — кричал я сам себе. — Врежь ей хоть раз!»

Но, видимо, я сделан из другого теста, во мне нет программы по избитию близких людей. На следующий день я, мучаясь, валялся на полу и уже не мог заходить в спальню и смотреть на живой труп любимого человека.

В этот день снова напился и настроился на то, что через «не могу» побью ее, ну хоть немного. Но донес свою злость лишь до подъезда и, выломав входную дверь, пьяный улегся на ступеньках между этажами. Проснулся утром. Разбудила заплаканная тетка, а соседи аккуратно перешагивали через меня и шепотом здоровались. В их удивленных глазах я читал один и тот же вопрос: что случилось с этим преуспевающим человеком? Неужели его красавица довела до такой жизни? А я им всем молча отвечал: не ваше дело! Не лезьте в мою жизнь!

В то утро, увидев, во что превратилась Даша, я не выдержал и предложил искать тетке любой выход. Она знала, что нужно делать, и, не откладывая, поехала в деревню за Семеном. Лишь он мог вытащить ее из этой пропасти. Избить и тем самым спасти.

Если бы я знал, что Дарья все болезни брала в себя, никогда не позволил бы ей лечить кого-либо. Но она не могла без этого и вытаскивала из людей их человеческую грязь, очищала каждого больного, жертвуя собой. А чтобы избавиться от нее, нужно было вышибать эту грязь из нее с болью и кровью. Все раны быстро заживали на ней, это вообще были другие раны, не такие, как у остальных, но процедуры побоев избежать было невозможно. Сколько в нашей жизни загадок? Какие тайны спрятаны в человеческом теле и сознании? Тогда, в те дни, для меня все во-

круг казалось чужим. Я не мог поверить, что живу в мире, где так сильно обострены чувства боли и зла. Я понимал, что сильно виноват перед Дашей. Моя слабость была моим приговором, и я не мог уйти или изменить себя. Любой живущий с Дашей человек просто обязан был делать это. Хотя бы ради того, что она давала взамен: счастье, спокойствие, любовь, ласки. На все доводы и приличия нельзя было обращать внимания. Раз решился жить с ней, принимай ее со всеми недостатками. Любой человек, оказавшись в такой ситуации, смирился бы с этой участью и выполнял бы свою обязанность мужа. Таким был Семен. Но почему Даша не разглядела меня? Неужели она не понимала, что я не смогу сделать этого? И ничто, ни водка, ни какие-либо слова не могли помочь мне в этом. Я чувствовал свою ущербность и не мог переступить через невидимую черту человеческого насилия. Я не мог не то что ударить ее, не мог сказать ей дурного слова, почему же она, знающая все заранее, обрекла меня на это? Неужели она, понимая, что скоро умрет, не смогла отказаться от тех чувств, что родились в наших сердцах. Зная, что счастье будет коротким, решила испытать его? Если бы она жила с Семеном, он бы потихоньку бил ее раз в месяц, и все бы было хорошо. Очищал от взятых болезней, и никто бы так сильно не страдал и не доводил бы ее до состояния одного шага от смерти.

Тетка срочно поехала за Семеном, а я вышел на улицу, чтобы не видеть ни его, ни Дашу. Я понимал, что это единственный выход. Я бы в любом случае не смог ударить ее, как бы меня об этом ни просили и ни заставляли, а он, выпьет, конечно, и выполнит то, что делал все эти годы.

Сев на лавочку около детской площадки, я стал наблюдать за домом. Подъехала машина такси. Тетка встретила водителя и договорилась о поездке в деревню. Посмотрела по сторонам, пытаясь увидеть меня, но я не смог подойти, чувствуя за собой вину. Ведь именно я из-за своей слабости довел любимого человека до такого состояния. Машина умчалась, скрывшись за поворотом. Я примерно рассчитал, что на дорогу уйдет около двух часов, дал тетке денег, чтобы она смогла легко договориться с водителем, а

сам остался. Просидев на лавочке час, я все же решился и вернулся в квартиру. Даша, как и прежде, лежала на кровати. На ее голове тетка повязала белый платок, видно, через силу заставила переодеться. Я стал ходить около нее и что-то говорить: извинялся за то, что я ни на что не способен, вымаливал прощение, но она лежала молча и лишь изредка открывала свои огромные глаза. Я не мог смотреть на них: то, как они впали и потемнели, вызывало во мне страх. В какой-то момент мне даже показалось, что она умерла, ее дыхание остановилось, но она вновь открывала глаза, успокаивая меня тем, что она еще жива. Я хотел вызвать скорую, позвонить знакомым врачам, но вспоминал, что делал это уже не раз и ни к чему эти действия не приводили. Как раненый зверь, я метался по комнате, не зная, куда себя деть. Время пролетело быстро, к дому подъехало такси. Выскочив из квартиры, я забежал на последний этаж и, спрятавшись за лифтом, стал ждать. Через несколько минут дверь в моей квартире хлопнула. Я пулей сорвался вниз и через подъездное окно увидел, как Семен и моя тетка усаживают Дашу в автомобиль. Открыв дверь, я вошел в квартиру. Увидев у кровати несколько капель крови, я понял, что Семен сразу приступил к нужному делу и, по всей видимости, выбил из Даши накопившуюся болезнь. Несколько минут я смотрел на оставленные следы и думал: неужели это все? Неужели я больше не увижу ее? В моем сознании что-то крутилось, вертелось, и оно воспроизводило мне два образа: красивую веселую девушку, которую я безумно люблю, и измученный полуживой труп, лежащий на постели в белом похоронном платке. Терпение и человеческие силы кончались. Я пошел в ночной магазин, купил водки и напился, как только смог.

Через три, а может быть, через четыре дня я очнулся опухший на диване. Голова и все тело болели. Увидев недопитую бутылку, я сразу решил подлечиться, но остановил себя. Дополз до ванной, включил воду и решил откиснуть от тяжелого состояния. Где-то во мне нашлись силы, и я решил переболеть и не похмеляться. В этот же день пришла соседка. Оказывается, тетка попросила ее присмотреть

за мной. Она принесла супу, и я через силу поел. Напились крепкого чая и решил отоспаться. Но сон, как назло, не приходил. Я все думал о происходящем и вспоминал счастливые дни, проведенные с Дашей. К утру я решил, что, как только Семен вылечит ее, я снова заберу Дашу к себе. Буду потихоньку бить, пока она будет в цветущем состоянии. Эта мысль успокоила, и я уснул. В эту ночь мне ничего не снилось. Я просто лежал, как бревно, и набирался сил. Утром снова пришла соседка и, увидев меня, улыбнулась.

— Ну что, оклемался? Я вижу, тебе лучше?— спросила она.

Я подошел к зеркалу и, увидев свое лицо, ужаснулся. Старый небритый мужик смотрел на меня. Решив, что ванна исправит это состояние, снова набрал воды и просидел в ней до вечера. А затем вновь напился чаю, поел принесенной соседкой еды и снова лег спать.

Мое тело постепенно начало оживать. Мне казалось, что силы покинули не только Дашу, но и меня. Но теперь все возвращалось. Я чувствовал прилив сил и верил, что и она тем временем поправляется. На душе стало спокойней. Я представил, что Семен за эти дни сделал все как надо и Дарья, наверное, уже потихоньку ходит. Ее ссадины и синяки заживают, а изгнанная болезнь больше не напоминает о себе. Нужно было срочно приводить себя в порядок. Я решительно собрался ехать за ней и первым шагом при нашей встрече хотел показать, как я умею бить тех, кто мне дорог.

Через два дня я получил от тетки телеграмму. В ней она ничего толком не объяснила, лишь написала: «Пока не приезжай. Как станет лучше, я тебя вызову».

С одной стороны, я успокоился, но при этом почувствовал, что происходит что-то неладное. Тетка жалеет меня и не хочет, чтобы я видел и знал правду, с другой стороны, я привык к их тайнам и тому, что они всегда что-то недоговаривают. Возможно, просто боясь сглазить. Доверившись внутреннему спокойствию, я постепенно пришел в норму и даже решил восстановиться на работе, но директор взял на мое место другого, и мне пришлось искать новое место.

Скопленных денег пока хватало, и я решил не торопиться и спокойно подобрать хорошую работу. Опыт у меня был большой, и вакансий по моей специальности было достаточно. Что именно происходило в деревне, я не знал. От сотового тетка отказалась, а телеграммы слала неохотно. Я несколько раз заказывал переговоры с ней и подолгу расспрашивал о Даше. Но все ее ответы обрывались одним и тем же: «Жива она, но пока болеет».

Слово «жива» отдавалось в моем сердце и болью, и радостью одновременно. Я понимал, что виноват в ее болезни, но при этом укорял и тетку, и Дашу: нужно было сразу обо всем рассказать и не запускать ее состояние до крайности. То, что меня об этом никто не предупредил, возмущало. Я не мог понять, почему они не рассказали обо всем сразу. Возможно, я бы подготовился и хоть как-то смог выполнять свои обязанности по ее исцелению, но все, как будто нарочно, молчали — ждали критического момента. Когда я впервые узнал о том, что ее нужно бить, она уже была слабой и немощной, а в таком состоянии ударить человека гораздо сложнее, чем здорового. Все это вертелось у меня в голове и не находило ответов. На переговорах тетка отмалчивалась. По-видимому, она знала что-то еще. Знала и молчала. А я мучился каждый день и не мог найти ответы на эти вопросы. Что это за эксперимент такой? Для чего она вообще пошла на это? Нет, какие-то ответы я придумывал сам, считал, что ей действительно захотелось хоть какой-то срок пожить в состоянии чистой любви, но все мои вымыслы рушились. Я чувствовал, что за этим стоит что-то большее. А что именно, я не знал.

С работой пока ничего не получалось. Все хорошие места были кем-то заняты. Денег пока хватало, но нужно было думать и о завтрашнем дне.

В одно из воскресений я отправился в церковь. Пришел, молча постоял, но не решился ставить за ее здоровье свечи. Вспомнил, что она запрещала делать это. Возможно, я стал суеверным и, не желая причинять ей что-то ненужное, поставил лишь за себя, тетку и помянул родителей. Вышел из церкви, долго бродил по городу, а увидев знакомый кино-

театр, решил сходить в кино. И сделать это я должен был обязательно. Нужно было продолжать жить, но жизнь, как нарочно, отворачивалась и каждый день била меня за то, что я остался один. В этот кинотеатр мы ходили с Дашей несколько раз и, купив билеты на места в последнем ряду, долго целовались, не обращая внимания на фильм. Я нарочно купил те же самые места и, вспоминая счастливые минуты, решил, что приложу все усилия для того, чтобы вернуть ее.

Неожиданное известие оборвало все и отбросило меня назад. Все восстановившиеся силы рухнули, и им на смену пришла пустота. В этот день я получил телеграмму от тетки. В ней сообщалось, что Семен забил Дашу до смерти. Его арестовали, а ее скоро увезут на родину приехавшие родственники и похоронят там по их местным обычаям.

Несколько часов я ходил отрешенный, не понимая, где я и что со мной происходит, но все же вызвал такси и решил ехать в деревню.

Через час милиционер остановил нашу машину. Водитель вышел узнать, в чем дело, и вернулся сильно удивленный.

— Гаишник даже документы не стал проверять, — рассказал он. — Попросил пропустить автобус. В нем какую-то ведьму хоронить везут. Все машины стоят, ждут на перекрестке, пока они проедут. Говорят, примета плохая — нельзя у ведьмы перед гробом дорогу переходить.

Я вышел из автомобиля и, увидев уезжающий автобус, понял, что он увозит мою любовь. Сердце сжалось. Я почувствовал нестерпимую боль, сел на задние сиденье машины и решил не выходить до теткиного дома. Водитель молча довез меня, и я, покидая машину, на мгновение замер, увидев дом Даши.

Тетя Шура встретила меня со слезами. Она долго причитала и винила себя за то, что когда-то свела нас. А я сел за стол и стал молча смотреть через окно на опустевший дом. Мне казалось, что Семен его восстановил, но сейчас он был похож на развалины: крыша сползла, стены разошлись, а через разбитое окно виднелась черная пустота

комнат. Разные мысли приходили в голову. Мне не хотелось жить. Тетя Шура достала бутылку самогона, мы помянули Дашу, и я сильно пьяный лег спать. Никогда раньше я столько не пил, а теперь стал превращаться в алкоголика, да и толком превратиться в него не мог: спиртное не брало меня, оно не помогало избавиться от накопленной тяжести. Я не знал, куда деть свою любовь. Она ведь не ушла из души, и Даша казалась мне живой. Я не мог поверить, что ее больше нет. Душа скулила, тетка молча плакала, а самогон не брал.

Смерть, в которую я не поверил

Проснувшись рано утром, я почувствовал сильную жажду. Нашел банку с огурцами, сцедил рассол и жадно выпил целый стакан. Тетя Шура уже чем-то занималась в огороде. В дверь постучали. Пришли мужики, и мы с ними помянули Дашу. Было еще утро, а я уже чувствовал, что день кончается. Мне хотелось скорее лечь спать, чтобы вообще не просыпаться, но день тянулся медленно. Чтобы хоть как-то убить время, я наколот дров и принес их к печи. Посмотрел на нее и вспомнил свой старый сон: «Лицо было живым, пока я поддерживал огонь. Но я не смог сохранить это пламя — оно потухло».

Тяжесть и мрачные мысли не уходили из меня и время от времени накатывали мучительными волнами. Я не знал, как продолжать жить. В город возвращаться не хотелось. На работу торопиться не надо, потому что я потерял свою хорошую и высокооплачиваемую должность. Я решил остаться у тетки. Помогал чистить ей снег, колот дрова и боролся сам с собой, восстанавливая силы. Вспомнил, как когда-то страдал оттого, что ушла жена, но я смог подняться после того удара, и то же самое предстояло сделать сейчас.

Но, странное дело, мой внутренний голос еще больше меня не верил в смерть Даши. Я чувствовал, что она жива и все эти похороны были какие-то придуманные. Наверное, все влюбленные не верят в смерть возлюбленных. Душа

остается связанной чистым и сильным чувством, она отказывается осознать потерю, и все это представляется временной разлукой.

Но, даже понимая это, я все равно чувствовал, что она жива. Нет, не душой. Я дошел до этого своими рассуждениями, расставляя все по местам. Факты подсказывали мне обратное, все сходилось к тому, что это какое-то плохо сыгранное представление. В один из вечеров я спросил тетку, видела ли она Дашу мертвой. Тетя Шура рассказала, что ее, сильно избитую, еще живую, сразу увезли в поселковую больницу, и там она умерла.

После города Даша почти поправилась, занималась хозяйством и огородом, но вот Семен что-то сорвался. Причем в тот злополучный день он бил ее трезвый. Его не сразу после драки арестовали, он еще сидел дома и ждал. Был трезвый и не особо-то и расстроенный. А потом за Дашей в больницу приехала родня. Говорят, Семен сам их вызвал: позвонил из милиции.

Все это мне казалось странным: никто не опрашивал свидетелей и не приходил в дом искать улики и подтверждения совершенному преступлению. Как это? Произошло убийство, и все, что ли? Взял мужик вину на себя, и дело закрыли? Возможно, в деревне такое может произойти, но почему все вокруг отказывались рассказывать о этом? Неужели боялись убитой ведьмы? Нет. Что-то здесь было не так, и я решил сходить в больницу, куда ее отвезли.

Небольшое одноэтажное здание находилось за старым магазином на окраине деревни. Какие-то бабушки сидели и ждали своей очереди. Я тоже сел на стул и не стал лезть с расспросами вперед. Решил дождаться своей очереди и вместо жалоб на здоровье расспросить о случившемся. Из кабинета вышла медсестра, та самая, только теперь она была без прыщей, с обручальным кольцом на пальце. Все это сделала для нее Даша. Увидев меня, девушка споткнулась и, схватившись за спинку стула, удержала себя, чтобы не упасть.

— Вы плохо себя чувствуете? На что-то жалуетесь? — спросила она, не обращая внимания на бабушек.

Те молча смотрели то на нее, то на меня. — Врач сейчас вас примет.

Кто-то из старушек хотел возмутиться, но она так сурово посмотрела на них, что сидящие в очереди прижались к спинкам стульев.

— Вы тут каждый день сидите, а вот человеку, может, плохо стало, — обратилась она к ним и, взяв меня за руку, повела к кабинету. Я почувствовал, как она напряглась. Эта девушка боялась главного вопроса. Я понял это и сразу, не откладывая, задал его:

— Расскажите мне о Даше. Как она умерла?

— Как умерла? Как все избитые. Прибежал пацан — Игорек, он за три дома от нее живет, и попросил нас приехать. Андрей Романович на нашей машине поехал за ней. Мужики помогли положить ее на заднее сиденье, а здесь сразу переложили на кушетку. Она посмотрела на нас и через несколько минут отошла.

— Ну а точный диагноз?

— Голову он ей сильно разбил, проломил череп, — произнес вышедший из кабинета врач.

— И что, ничего нельзя было сделать?

— Нет. Такие травмы смертельные. Возможно, Семен ударил ее или обухом топора, или молотком. Теперь это уже не важно. Она умерла через пятнадцать минут. Никакая операция не помогла бы.

— Понятно. Извините, что я побеспокоил вас.

— Да нет, ничего. Мы знаем, что последние месяцы вы вместе жили. Если что нужно будет, приходите. А может, успокоительных таблеток дать? Поспите спокойно, сил наберетесь.

— Нет, спасибо. Я как-то таблетки не очень.

— Как хотите, если что, обращайтесь, — произнес врач и, позвав следующую пациентку, ушел с ней в кабинет. Медсестра проводила меня. Она несколько раз оборачивалась, прислушиваясь, что делают пациенты, как будто хотела о чем-то рассказать. Я остановил ее на крыльце, пристально просмотрел в глаза и резко произнес:

— Говори, не бойся!

Девушка еще раз огляделась, но в этот момент открылось окно, из него высунулся врач и, недовольно посмотрев на медсестру, крикнул:

— Марина, я тебя жду. Скажи молодому человеку до свидания и иди сюда.

Девушка покачала головой, попрощалась, но я понял, что она о чем-то знает и хочет мне рассказать.

Я вернулся домой, а вечером, узнав у тетки, где она живет, пошел к ней. Ее муж Сергей оказался веселым и добрым парнем. Он, как когда-то я, не верил во все эти сказки. Пригласил меня за стол и угостил чаем. Предлагал выпить, но я отказался. Когда пришла Марина и увидела меня, она попросила мужа достать из погреба хорошего варенья, а в это время успела рассказать то, что ей показалось.

— Доктор после смерти Даши откатил каталку с ней в процедурную. Запер ее и никого не пускал, пока за ней родственники не приехали. Приходил участковый, они о чем-то долго разговаривали, и он в этот же вечер уехал в город, наверное, в милицию.

Я долго слушал домыслы и версии Марины, но в конце все же дождался главного. Она рассказала, что за те три дня, пока Даша находилась в процедурной комнате, доктор несколько раз приносил в больницу еду, и, главное, когда ее грузили в автобус, Марине показалось, что Даша вскрикнула. Кто-то из приехавших мужчин нечаянно ударил каталку о дверь автобуса, она немного не проходила.

Девушка утверждала, что это был голос Даши. Слабый, больной, но точно ее. И еду доктор зачем-то носил, не объясняя ей этого. У Марины и доктора не было секретов, но в эти дни он вообще ни с кем не разговаривал, и это сильно удивило ее.

— А что, Даша хорошо была знакома с ним?— спросил я девушку.

— Да вы что! Ладно я с прыщами, а его она на ноги поставила.

— Неужели все было так серьезно?

— Конечно. Перед вашим отъездом с ней доктор на работу вышел, а до этого лежал пластом, не вставал.

— И что с ним было?

— Не знаю, что-то с позвоночником или с ногами. В общем, он полгода с койки не вставал.

Я поблагодарил девушку, вернувшегося с банкой варенья мужа и уже почти ушел, но вдруг решил спросить:

— А участковый не болел?

— Нет, участковый мужик здоровый, — ответила Марина. Я открыл дверь и, попрощавшись, вышел на крыльцо. Меня встал проводить Сергей, он вышел за мной и стал предлагать принесенную банку варенья. Говорил, что городские, типа меня, больше всего это варенье любят. Оно особое и первой земляники. Я взял банку, попрощался, дошел до калитки, но тут Сергей окликнул меня:

— Участковый-то не болел, но его трое детей... — он замолчал.

Я вернулся и переспросил парня:

— Что трое детей? Их лечила Даша?

— Конечно, лечила, — раздался из дома голос Марины. — Особенно девчонку. Та прошлым летом дважды воспалением легких болела, в городе лежала, а как к Даше ее отец отвел, все — перестала. Даже зимой ни разу не обращалась.

Я еще раз поблагодарил и Марину, и Сергея и с банкой земляничного варенья ушел домой.

Все сходилось, и ее случайный крик, и еда, зачем-то принесенная доктором в больницу, и исцеление доктора, и лечение дочки участкового. Получалось, если Даша попросила бы их прикрыть ее, они бы все это сделали без сомнения. Да и любой бы в этой деревне выполнил все, о чем бы она попросила. Возможно, и моя тетка что-то знает, но молчит, как партизан.

Что-то стало проясняться, но главного я не мог понять. Зачем Даша все это придумала и сделала? Для чего она скрылась от меня таким образом? Обрубила все связи. Все, что ли, ее любовь кончилась — умерла? Эта новая тайна стала главной для меня. Я начал вести свое расследование. Встретил участкового, съездил в городское отделение милиции, где должен был сидеть Семен, и еще больше убедился, что передо мной разыграли представление.

Участковый всегда волновался, путался в рассказах, врач из деревенской больницы все время путал, с какой стороны был пробит череп, а в городском отделе внутренних дел о Семене ничего не знали и не слышали. Я припугнул участкового, сказал, что напишу заявление в прокуратуру по факту непонятого убийства. Как гражданский муж я имел право что-то знать. Участковый злился, нервничал, но однажды он просто попросил:

— Пожалей моих детей и больше не приходи. Хочешь узнать правду, делай это без меня. Все, кто знал Дашу, ничем тебе не помогут. Ищи, если найдешь.

После этого я придумал удачный ход. Стал требовать, чтобы мне показали место ее захоронения. Участковый не выдержал и отвез меня на своем мотоцикле в небольшой поселок. Мы ехали туда четыре или пять часов только в одну сторону. Он привез меня к кладбищу и показал свежую могилу. Креста на ней не было, стояла лишь маленькая прибитая к кольшку дощечка с номером и фамилией. Я нашел сторожа кладбища и попросил его показать журнал захоронений. Все сошлось: и фамилия, и имя, и отчество, и год рождения. Увиденное отодвинуло меня назад и еще раз подтвердило, что Даша действительно умерла. Но именно в этот вечер, когда мы с участковым возвращались домой, я снова услышал свой внутренний голос. Он громко кричал, что все это неправда. Даша жива, и я должен найти ее!

Поздней ночью мы вернулись в деревню, я сказал тетке, что не верю в то, что увидел. Участковый со злости плюнул и отвернулся. Все было представлено убедительно, но что-то все же было не так.

Тетка встретила нас, накормила, и участковый Андрей уехал после ужина домой. Он несколько раз повторял тете Шуре, что он лично отвез меня на могилу и показал записи в кладбищенском журнале. Андрей попросил тетку, чтобы она поговорила со мной, успокоила. Чтобы я не ворошил прошлое и не беспокоил усопших.

— Ну что, убедился?— утром спросила меня тетя Шура.

Я ответил, что видел могилу, но все равно не поверил в это. Я рассказал тете Шуре обо всех своих подозрениях

и собранных фактах. Она, как настоящий прокурор, развеяла мои домыслы. С какой стороны рана и почему ее не запомнил доктор, объяснялось просто — он был пьян. Почему не проводили следствие? Зачем, когда Семен написал чистосердечное признание? А то, что там она вскрикнула, вообще ерунда. За ней кроме мужчин приезжали и женщины-родственницы. Они плакали, и, возможно, их голоса похожи. Я внимательно выслушал тетку и согласился с ней, что все факты надуманы — их сложно подтвердить, но душа моя кричала: нет! Она жива! Я говорил об этом, но тетя Шура говорила: терять близких и любимых очень тяжело. Но я все равно не верил и не мог успокоиться. Слишком много людей было в этом мире, кто обращался к Даше. Каждый был готов помочь ей, выполнить любую, даже самую необычную просьбу. Все это я тоже рассказал тетке, а она лишь повздыхала и, ничего не ответив, ушла спать.

Расспросив в деревне всех, я понял, что не смогу добиться правды от этих людей. Неожиданно вспомнил, что у меня в городе есть хороший знакомый, работающий в прокуратуре. Когда-то мы с ним жили рядом и, можно сказать, дружили. Собрав вещи, я уехал в свою городскую квартиру. Через день нашел Николая и все ему рассказал. Он долго молчал, как бы не веря в мой рассказ, но потом решил помочь.

Целый месяц он посылал запросы в отделения милиции, в прокуратуру района, где проживала Даша, куда посадили Семена, но ничего вразумительного получить и узнать не удалось. О Семене вообще никакой информации не было. Николай попросил меня официально написать ему заявление и все подробно изложить. Я доверился ему и стал ждать, что же выяснит следствие. Само состояние ожидания угнетало меня. Время шло, а я ждал и ничего не делал. Тайная сила вместе с моим надорванным внутренним голосом заставляли встать и продолжить поиски самому. Я не мог ходить по квартире из угла в угол и перебирать придуманные подтверждения ее жизни.

К началу лета Николай рассказал мне, что убийство квалифицировали как несчастный случай. Якобы Даша

сама разбила себе голову, и в тот день муж ее не трогал. Кто-то в одном из документов отписал, что соскочил топор с топорница во время колки дров. На этом все расследование закончилось. Семена отпустили, и он через день уехал куда-то на север.

Услышанное удивило меня. Я понял, что это состряпанная отписка чиновника. Все в деревне видели, как в этот день Семен бил ее. Да, он был трезвый, но все равно избивал. Как можно было поверить в то, что противоречило всем показаниям моих свидетелей? Я рвал и метал, жалел упущенное время, но позже понял. Это письмо как нельзя лучше подтвердило главное — все вокруг сфабриковано, придумано и плохо сыграно. Этот факт стал для меня главным аргументом. Я понял, даже почувствовал, что Даша жива. Она ждала меня, и я должен был идти к ней, искать свою любовь, а не надеяться на кого-то. Нельзя было ждать и верить, что посторонние люди помогут найти ее, ведь для всех Даша уже не существовала.

Многие говорили: забудь, успокойся, жизнь продолжается. И я бы смирился, но душа продолжала надрываться, кричать, убеждать меня, что я должен идти вперед, не останавливаться, прорываться сквозь придуманные сплетенные сети обмана.

Я понял, что снова вернулся к тому, с чего начал: в душе я полностью не верил в смерть Даши, но факты снова подтверждали мне обратное. Поблагодарив Николая, я больше не стал беспокоить его и решил продолжить поиски самостоятельно. Вот только с чего начать, не знал. Со всех сторон все обрывалось и заканчивалось одним и тем же — смертью, но все случаи были липовыми, и я чувствовал это.

В одно из воскресений я, как обычно, пошел в церковь и встретил того самого священника, к которому когда-то обращался. Тогда он посоветовал привести Дашу в церковь, а теперь, узнав, что она якобы мертва, предложил заказать ей поминальную службу. Я помнил о том, что Даша не любила, чтобы я ставил за нее свечи, и не стал заказывать панихиду. Сомнения в ее смерти были слишком убедитель-

ны. Именно в тот день, в церкви, мне захотелось съездить к ней на могилу.

Я собрал вещи, взял деньги, заказал такси и утром уехал в далекий поселок. Дорогу я запомнил хорошо и точно рассказал шоферу, куда нужно ехать. На кладбище я два часа искал ее могилу, но не нашел. Затем я вычислил место захоронения, увидел поставленный на том самом месте чужой памятник. На нем была другая фамилия и фотография мужчины. Я несколько раз проверил: считал шаги от того места, где мы с участковым оставили его мотоцикл. Все сходилось — это была чужая могила. Впервые за все дни неверия и поисков я почувствовал радость. Я хотел себе это доказать, и я доказал. Решил поехать в деревню и прижать участкового, но вспомнил, как он, боясь за своих детей, попросил не трогать его.

Тот факт, что могила оказалось чужой, не удивил меня. Перед отъездом я именно так и думал: знал, что все это подстроено, но не мог доказать. Теперь доказательства были. Я даже не стал смотреть в кладбищенский журнал, знал, что там тоже все исправили. Теперь оставалось только одно: узнать, куда именно увезли Дашу.

Изгнание огнем

Удача повернулась ко мне. Первое, в чем мне повезло, — я смог узнать, где раньше была прописана Даша, и еще — где и когда она родилась.

Я приехал в деревню и в местном сельсовете поднял документы о покупке дома. Надеялся найти адрес Семена, чтобы поговорить с ним, но дом был оформлен на Дашу, и я нашел в книге регистрации все ее паспортные данные.

Вычислив район, я взял побольше денег и поехал туда. Вторым удачным совпадением был Семен. Я увидел его на станции поселка, в который приехал. Он спокойно попивал пиво с мужиками около небольшой грязной забегаловки. Увидев меня, он хотел убежать, но я успел крикнуть ему, что хочу лишь поговорить. Семен послушался и

остановился. Мы взяли пиво, и он рассказал мне многое из того, что я хотел знать. Оказывается, Даша, по ее законам, действительно умерла. Она сейчас находится в деревне у родственников. В мире простых людей ее больше нет, но в своей деревне она продолжает жить. Сильно постарела и почти ни с кем не общается. Стала тенью, чужой для нашего мира. Семен рассказал, что он лишь для виду пару раз махнул кулаком в тот день, когда ее забрали в больницу. Он всегда знал, как нужно ее бить, и никогда не бил в важные для жизни человека места: в висок, темя, по почкам. Старался избивать, как он сам выразился, правильно. Трезвый сделать этого не мог и поэтому пил. Но даже в пьяном состоянии Семен старался ударить так, чтобы это не отразилось на здоровье и не осталось шрамами на теле. Я понял его, ведь даже пьяный не смог к ней прикоснуться.

Допив пиво, мы пошли к нему, и он рассказал, как долго они мотались по свету. В городах его часто забирали в милицию за это. Ведь он вытаскивал ее на дорогу, а она, как обязательный атрибут, всегда должна была присутствовать в этом обряде очищения. Когда предупреждения в его адрес кончались, они просто уезжали. Последние пару лет старались жить в деревнях, где все друг друга знают и избивание жены обычное дело. Именно в деревнях милиция и люди не вмешиваются в семейные дела. Конечно, поначалу они приходили и предлагали написать заявление, но Даша отказывалась, и после этого никто не обращал на них внимания. Но и из деревень приходилось уезжать. Случалось так, что Семен не мог найти работу, ведь Даша не брала деньги, а те больные, что приходили, сами были нищими. Иногда все бросали и уезжали из-за пьющих и непонимающих соседей. Они лезли в их семейные дела, и Семену приходилось бить не только Дашу, но и соседских мужиков. Пьяные, они всегда хотели заступиться за красивую женщину, и Семен не жалея рук объяснял им, что это не их дело. После второй и третьей драки они становились врагами и не давали житья. Даша с помощью своего таланта исцелять быстро находила поддержку среди людей, многие слушались ее и старались не обращать внимания на буйно-

го мужа, но все равно долго жить на одном месте не получалось.

Когда они приехали в нашу деревню, Даша предупредила его, что это последняя деревня. Наверное, она что-то почувствовала. Семен не обращал внимания на ее загадки и недомолвки. Он просто привык к ним. А когда появился я, Даша попросила его быть мужем до конца. Он долго не мог понять, что от него требуется, и поступал как считал нужным, но после нашей драки Даша сказала ему, что он должен не мешать и до весны остаться в деревне. После этого Семен освобождался от принятых обязательств и мог ехать куда угодно. Но все пошло не так. Когда за ним приехала тетя Шура, он сразу понял, что не избавился от Даши. Ему пришлось забрать ее, поступить по-другому он не мог. А дальше он выполнял лишь то, что она говорила. И даже телефон, по которому он звонил, Даша сама ему заранее дала.

Семен долго рассказывал, а я видел в деталях весь разработанный Дашей план, не понимая, зачем она все это сделала. Напившись пива с водкой, он стал рассказывать, с чего все началось. После армии он приехал в этот поселок и узнал, что в лесу, в заброшенной деревне, поселились старообрядцы. Семен не обратил на это внимания: ну приехали люди, обжили брошенные дома, и ладно, подумал он. Однажды сильно перебрав, гуляя в дембельском отпуске, Семен сломал ногу. Перелом долго не заживал, и бабка-соседка привела к нему Дашу. Красивая девушка вылечила его. Он пригласил ее после выздоровления в кино и кафе, и так получилось, что Даша осталась у него жить. Ей понравилась его сила и открытость, но сам Семен тогда не понимал, что его ждет. Он честно признался, что любви между ними не было. Часто гулял от Даши с поселковыми женщинами. Ему больше нравились крупные и сильные бабы, а худенькая Даша не вписывалась в его понятие красоты. Но он оставил ее, потому что она никогда не попрекала его и чем-то держала. Тогда он не знал, что это, а через три месяца пришлось все узнать и приложиться к ней, чтобы Даша не мучилась. Раньше, до Семена, обязанности мужа

выполнял брат, но он не мог снять всю грязь до конца: нужен был посторонний человек. Семену все доходчиво объяснили и даже припугнули.

После первого избиения Даша быстро поправилась и стала лечить самых тяжелых больных. Первый год все шло спокойно, но потом все изменилось. Семен жаловался на то, что устал исполнять все то, что требовала от него Даша. Он продолжал регулярно лечить ее побоями, но уже тогда задумывался о нормальной семье и детях. А когда появился я, то все проблемы разрешились, и его мечта сбылась. Он признался, что поверил в меня и мою силу. А когда я его сбил кулаком с ног, он даже зауважал меня. Оказывается, я был первым, кто смог побить его. Эти душевные слова что-то разбудили во мне и придали уверенности. Я решил, что пойду до конца, чего бы это для меня ни стоило.

Здесь, в этом поселке, Семен недавно нашел девушку и уже несколько месяцев жил с ней. У него осталась квартира, и рядом жила старенькая мать. Она присматривала за квартирой и иногда сдавала ее. Семен предположил, что его мать чем-то мешала Даше, поэтому они уехали. Ведь она часто плакала, когда видела, как сын бьет жену.

Но все это осталось в прошлом. Теперь Семен устроился работать, как и в деревне, на трактор, встретил девушку, стал хорошо зарабатывать и даже почти бросил пить. Оставил лишь пиво, как маленькое удовольствие, и никогда больше не напивался до беспамятства.

Многое прояснилось, но точного места, куда увезли Дашу, он не знал. Единственное, чем он помог,— это рассказал, что видел их автобус на рынке, и дал связной телефон родственника, по которому вызвал за ней. Да еще обмолвился о деревне со старообрядцами, но я не связал тогда все это воедино и не обратил внимания на то, что так называемые старообрядцы могут оказаться совсем другими людьми.

Номер телефона мне ничего не дал. Квартира оказалась съемной, и проживающие там съехали месяц назад, но вот автобус я стал искать. Решил, что он выведет меня на то место, куда увезли Дашу.

Я снял квартиру в поселке. Семен, как местный житель, помог мне в этом. Первый день устраивался, а потом стал каждый день ходить на базар. Я тоже видел этот мрачный автобус, когда он увозил из деревни Дашу, и даже запомнил первые цифры — 3 и 4. Я тогда сидел в такси и ждал, когда он переедет перекресток. Но похожей техники в этом районе оказалось много. Старые «икарусы» были настолько распространены в этом районе, что я стал путаться. Несколько раз увидел такой же автобус с похожим номером у магазина. Проследил за ним и вышел на автобазу. А дальше тупик. Все эти варианты были ошибочными.

Однажды в выходной день я, как всегда, стоял у ворот и наблюдал, как въезжают на рынок машины. Неожиданно появились сразу два похожих автобуса. Я подошел к водителю первого, и он рассказал, что работает все на той же автобазе, о которой я уже знал. Но водитель второго автобуса не пожелал со мной говорить. Я договорился с одним частником-пенсионером проследить за ним. В этом поселке все стоило дешево, на такси ездили мало. А если и просили кого, то это были частники. Мужик очень обрадовался, когда я предложил ему заработать. Мы весь день ждали этот автобус. В шесть вечера он уехал с рынка и направился к областной трассе. Мы, как старые сыщики, старались быть незаметными. Пенсионер Егорыч увлекся погоней и делал все как надо, но, доехав до леса, он почему-то остановился и не стал сворачивать за ним на лесную дорогу: сказал, что дальше не поедет. Автобус скрылся в лесу, а я никак не мог уговорить пенсионера ехать дальше. Время шло, и я понял, что нужно возвращаться в поселок. По дороге Егорыч рассказал мне, что в этом лесу всего одна деревня, в которой живут старообрядцы. Я сразу вспомнил Семена и понял — Даша именно там.

— Странные люди, ни с кем не общаются, и те, кто к ним ходит, тоже молчаливые, не рассказывают, что там и как. — За долгие прожитые в поселке годы Егорыч решил, что в это поселение лучше не ездить и не ходить. Никто не говорил точно, чего нужно бояться, но все опасались и

считали эту зону запретной для посторонних. Милиция и та с неохотой ездила туда.

Раньше, при советской власти, когда все обязательно участвовали в голосовании, эти люди приходили рано утром или просили, чтобы им привозили урну к первому дому. Егорыч рассказал об этом потому, что сам работал в избирательной комиссии.

Мы вернулись в город. Я рассчитался с пенсионером и пошел в свою квартиру. Теперь я точно знал, где Даша, и, прежде чем ехать туда, решил побольше разузнать об этих людях.

Я помнил, что мне рассказал о Даше Семен: она стала замкнутой и ни с кем не общалась, как и люди, живущие в той деревне. Даша поправилась, но Семен с сожалением сказал, что красота к ней не вернулась.

Что произошло на самом деле? Я понимал, что ее ссадина, нанесенная когда-то топором, была всего лишь кровавой шишкой, и она не могла повлиять на ее здоровье и изменение характера. Здесь было что-то другое.

Прежде всего я решил сходить в церковь. В этом поселке недавно восстановили небольшую церквушку. Священник отец Тихон был добрый и внимательный человек. Он ко всем прислушивался, помогал, давал советы и как-то от души проводил службу. Раньше в других церквях я уставал стоять несколько часов подряд. Под конец уже не слышал молитв и думал, скорей бы все это закончилось, но в этой церкви отец Тихон делал все особенно, и время службы пролетало как одна минута. Хоть эта церквушка и была маленькой, но в ней всегда находились люди и чувствовалось что-то домашнее. Я с удовольствием ходил на службы и радовался пению старушек. Я видел, как у прихожан после службы на мрачных лицах появлялись радость и благоденствие.

Именно с отцом Тихоном я решил поговорить о старобрядцах. Решил довериться ему, почувствовал к нему расположение и не ошибся. Как-то после службы я задержался и попросил его выслушать меня. Отец Тихон не отказал. Он отвел меня в сторону к иконе Богородицы и стал слу-

шать. Я рассказал все, что понимал и о чем догадывался. После этого священник долго молчал, но потом попросил меня прийти к нему на следующий день, после утренней службы. Отец Тихон оказался очень умным человеком. Он знал о живущих в лесу и старался помогать им: с одной стороны, эти люди были для него чужие, они не приходили в церковь, но для него все живущие в этом мире — дети Божьи, и он не отворачивался, старался по возможности объяснять прихожанам, чтобы они их не боялись. С другой стороны, он советовал искать спасения и исцеления от болезни у Бога, а не у деревенских знахарок. При этом он часто повторял: «Они всего лишь люди, живущие по своим законам. Мы не должны бояться тех, кто чем-то отличается от нас». Как оказалось, старообрядцами их прозвали поселковые. На самом деле они не являлись таковыми. В кого они верили, толком никто не знал. И это незнание рождало много слухов. Одни говорили, что эти люди поклоняются старому идолу, другие говорили — сатане, а третьи считали их вообще язычниками. Кто-то говорил, что они соблюдают посты и придерживаются укладов, которые существовали давно, до какой-то религиозной реформы. Все это были слухи. Никто толком ничего не знал. Эти люди были не просто изолированы от мира, они не общались с народом из поселка и лишь изредка посылали людей на базар. Ездили одни и те же, остальных никто не видел, и даже пенсионер Егорыч, работавший в избирательной комиссии, толком не знал, сколько их.

Отец Тихон встретил меня у ворот. Он уже ждал моего прихода и начал свой рассказ с того, что предупредил меня о том, что я не должен туда ходить. Он не пугал меня страшными людьми, а объяснял, что я не должен нарушать их маленький сохраненный мир. Священник все понимал, и мою любовь, и то, что я уже не первый месяц пытаюсь найти любимую девушку, но его слова были конкретны. Этот мир был недоступен для посторонних, включая меня, и эти лесные люди старались сохранить свою пусть не совсем правильную чистоту. Я внимательно выслушал его, но твердо заявил, что не отступлю. Увидев мою решитель-

ность, отец Тихон посоветовал неделю попоститься, посещать все службы и после причастия пообещал сказать, можно ли мне пойти к ним. Если я буду готов, стану чистым, они со мной, возможно, поговорят, но если я приду к ним в деревню со злым лицом, то ничего не добьюсь. Эти люди просто не станут общаться со мной. После причастия он расскажет, с какими словами мне нужно идти в их спрятанный от всех мир.

С понедельника я начал пост. Стал читать церковные книги, есть лишь постное и по совету отца Тихона следить за своими мыслями. Как объяснил мне настоятель, мысли — это главное, что нужно очистить. В первый и во второй день ничего не получалось. Я злился на себя, не мог собраться и сразу захотел есть. Для моего полноватого тела пища и трехразовое питание были необходимы, но я решил выстоять до конца. На третий день гулял весь день в парке и любовался деревьями. Мысли о Даше продолжали мучить мою голову, но я старался сдерживать их. Смотрел в небо и представлял, как из невидимых кирпичиков-облаков строю дом. Шаг за шагом мое очищение стало превращаться в пытку. Я истязал не только свое тело, но и сознание. Мне хотелось отправиться пешком в этот лес и устроить там погром. Забрать Дашу и увезти ее в город. Хотелось купить ружье или пистолет, чтобы пострашнее напугать этих старообрядцев, но я останавливал себя и из последних сил сдерживал свое сознание. На четвертый день в моей голове появились мысли: зачем я вообще все это делаю? Мне показалось, что если я заберу Дашу в город, то все начнется сначала. Ее болезнь и мое неумение ударить. Я хотел увезти ее, но понимал, что, возможно, придется опять через какое-то время везти Дашу обратно, спасать и от меня, и от ее болезни, рожденной в человеческой грязи.

То, что она изменилась и постарела, меня не пугало. Я, наверное, просто хотел удовлетворить свою похоть, вспоминая, как мне было хорошо с ней, — не мог отказаться от столь прекрасного тела. Все эти мысли я гнал из себя, но они возвращались. На пятый день мне почему-то стало легче. Я даже забыл с утра после молитв поесть каши. Не хо-

тел, и все. Ноги сами привели в церковь. Отец Тихон, увидев меня, ничего спрашивать не стал, лишь как-то странно со стороны посмотрел. Этот взгляд остался для меня загадкой. После службы я вернулся домой и до вечера, пока не лег спать, читал Библию. Представлял себе Иисуса Христа и думал, как он сумел в те далекие и страшные годы пройти свой путь и не отступить. Ведь ему было в сто раз тяжелее, чем мне. Утром встал и снова пошел в церковь.

Воскресенье перепутал с субботой, и когда отец Тихон сказал о подготовке к причастию, я думал, что у меня еще есть один день. Мне показалось, что неделя еще не прошла и воскресенье придет только послезавтра, но старый священник все объяснил. С вечера я подготовил молитвы, которые читаются перед причащением, и после совершения этого таинства услышал слова настоятеля: «Иди к ним с добром. Попробуй объяснить, что не можешь жить без нее».

Я вернулся домой и долго думал, как мне просто прийти и сказать. Мне казалось, что эти люди не станут со мной общаться, но все произошло по-другому.

Утром я встал пораньше. Хорошо поел, доехал до леса на попутке, стал экономить деньги, а дальше пошел пешком. Через полчаса увидел по обочинам дороги дома. Дорога сама привела меня к ним. Дома были старые, крыши обвисшие и все деревянные. Каменных построек в этой деревне не было. Дорога уходила дальше в лес, а деревня была лишь частью этого лесного пути. Около одного из домов стоял колодец-журавль. Я давно не видел таких колодцев — все больше колонки или вообще водопровод.

Бабушки около домов спокойно, как это принято в деревне, здоровались и улыбались. Мне показалось, что все люди здесь были обычными и совсем не замкнутыми. Кто-то подсказал, как найти старосту, а я даже и не спрашивал их. Они сами как будто все понимали. Увидев указанный дом, я подошел к нему и попросил позвать старосту. Я думал, что ко мне выйдет дряхлый старик с длинной седой бородой, но вместо него я увидел мужчину сорока пяти лет с небольшой залысиной. Он молча поманил рукой, и я вошел

в дом. Предложил сесть на широкую лавку, а сам на минуту вышел. Я ждал его и рассматривал дом. Появившийся страх прогнали иконы. В этом доме весь красный угол был уставлен ими. «Значит, эти люди верят в Бога», — подумал я.

Мужчина принес чайник, налил в кружки чай и спросил меня:

— Ну, мил человек, зачем пожаловал? Лицо у тебя доброе, что такому хорошему нужно здесь, у нас?

Я не думая ответил:

— Я ищу Дашу. Люблю ее сильно.

— Дашу?— удивился мужчина. Он тут же встал, посмотрел на меня свысока, и я увидел, как изменились его глаза. В них появилась какая-то непонятная сила, прогоняющая меня прочь.

— Уходи, — произнес мужчина и ушел в комнату.

Я стал сопротивляться, говорить ненужные слова, пытался выпросить минуту, чтобы он меня выслушал, но человек был строг. Он больше не повторил ни слова, лишь указал пальцем на дверь. Я вышел из дома, пытаюсь поговорить с кем-то еще, но вся деревня сразу стала другой, изменилась: те бабушки, что стояли у дома, тут же отвернулись от меня. Мужчины на другом краю улицы забрали с дороги детей и вошли в дом. Деревня тут же стала страшной, все отвернулись от меня: казалось, не они были отверженными, а я. Все вокруг стало мрачным, и даже солнце спряталось за тучу.

— Что я сделал? — крикнул я.— Я люблю ее и всего лишь произнес имя. Ответьте мне, что я должен сделать? Как мне дальше жить?

Но деревня молчала. Лишь ветер шелестел в деревьях и поднимал с дороги песок.

Я сел на дорогу в пыль и, опустив голову, стал ждать. Мне думалось, что кто-то из них сжалится и выслушает измученного влюбленного. Поможет найти любимую женщину или хотя бы подскажет, что нужно совершить, чтобы увидеть ее.

На дорогу и лес стала опускаться ночь. Я все сидел и ждал. Пару раз вставал, стучал в дома, но мне никто не

открыл. Я до рассвета бродил по пустой улице и считал одинокие дома. С первыми лучами ушел по дороге в лес, чтобы вернуться в поселок. Первая попытка оказалась неудачной, и я решил искать новый путь.

Отец Тихон ничего не посоветовал, он лишь молча покачал головой. Все, что он мог, сделал — спокойно выслушал. Раньше настоятель советовало очиститься, подготовиться и с открытым сердцем идти к этим людям. Я все выполнил, как он советовал, и они сначала приняли меня, увидели мою чистоту, но единственное слово — «Даша» — обрушило все надежды и отпугнуло их. Эти люди не просто испугались, они отвернулись от меня и не замечали моего присутствия. Как могло произойти такое? Те же бабушки, когда я только пришел, увидев меня на дороге, приветствовали, а когда я вышел из дома старосты, испугались и отвернулись. Что произошло с моим лицом? Что они увидели? Возможно, в этой деревне все похоже на Дашу и владеют тайными способностями. Они тут же почувствовали опасность и ушли. А я остался, и теперь я чувствовал вокруг себя пустоту. Даша была где-то в памяти, так глубоко, что я перестал чувствовать ее. Забыл ее светлое лицо и улыбку. В моем сознании стоял образ больной старухи в белом платочке.

В тот день я почувствовал, что силы и желание найти ее кончились. Неужели она сама не могла помочь мне? Выйти и рассказать, что я должен сделать. Но Даша не вышла, и я подумал, что она не хочет со мной встречаться. Вся наша любовь иссякла. Ее последние капли вытекали из моей души. Все, что я мог сделать для того, чтобы мы были вместе, я сделал. Я решил, что мне пора вернуться домой. Собственно, особой проблемы в этом не было. Взял машину и поехал, но к тому времени деньги почти кончились. Оставалась лишь небольшая сумма на оплату квартиры, еду и билет. Я бы мог, конечно, сэкономить и прожить еще месяц, но желание делать что-то еще во мне не рождалось. Параллельно с этим какая-то сила удерживала меня. Внутренний голос подсказывал, что еще есть шанс и нужно найти его. Надежда еще не умерла во мне. Я сомневался, собирался, но не уезжал.

В субботу по привычке пошел в церковь. Отстоял утреннюю службу и решил по пути зайти на рынок, купить продуктов. У ворот меня встретила цыганка. Она всех завлекала, предлагая рассказать судьбу. Став верующим, я понимал, что идти к цыганке грех, но разбитый и подавленный человек, живущий во мне, победил. Я подошел, протянул пятьдесят рублей и показал ладонь. Цыганка посмотрела мне в глаза и сразу отвернулась. Она, словно те старушки из деревни, перестала замечать меня. Я стал силой совать ей деньги, но она отталкивала меня и отходила в сторону.

— Иди отсюда! Не подходи! — грубо крикнула она.

Я окаменел. Встал и замер на месте. Неужели вся моя тяжесть и боль были так заметны на моем лице?

— Помогите мне, — как-то жалобно проскулил я.

Видимо, цыганка что-то почувствовала, а может, просто пожалела меня. Она вытянула вперед руку, показала указательным пальцем на дома и произнесла:

— Там, за рынком, Танюха живет. Сходи к ней, может, она поможет. Танюха одна из них. Ее когда-то прогнали. Слишком уж она по молодости мужиков любила. Для ведьм это нормально, но ее почему-то за это турнули из деревни.

— Спасибо, — поблагодарил я цыганку.

— Да Бог с тобой, какое спасибо. Иди стороной, милочка, — ответила женщина.

Во мне появилась надежда. Я, забыв о продуктах, пробежал по рынку и оказался на главной улице со старыми деревянными бараками. Где-то лаяли собаки, у колонки женщина набирала воду, все казалось обычным, но я услышал особую тишину. Вышел с рынка, и гул голосов кончился. Как будто эту улицу и шумный базар разделяла звуконепропускаемая стена. Я сделал несколько шагов вперед и решил подойти к женщине с ведрами.

— Вы не знаете, где Танюха живет?

— Так вот ее дом. Ты напротив стоишь, — ответила женщина и, улыбнувшись, показала мне свои редкие желтые зубы.

— Спасибо,— поблагодарил я ее и, открыв калитку, подошел к обшарпанной, поломанной двери. Постучал, но никто не ответил. Я ударил сильнее.

— Да кто еще там?— услышал я голос женщины.

— Это я, Вадим. Мне с вами поговорить надо.

— Раз надо, заходи.

Я открыл незапертую, поломанную дверь и вошел в дом. С первым шагом в нос ударил едкий запах. Вокруг валялись тряпки, грязная посуда и множество бутылок из-под водки.

Через силу я вошел в комнату и, отодвинув занавеску, увидел пожилую женщину. Она, закутавшись в телогрейку, лежала на грязной кровати. Подушки и одеяло были скомканы в кучу у нее под головой.

— Что, не нравлюсь? — спросила женщина.

— Да нет, что вы, — растерянно ответил я.— На улице лето, а вам холодно? Вы так тепло одеты.

— Мне все время холодно. С погребца сыростью дует. Я не люблю этот сквозняк.

— Я хотел с вами о старообрядцах поговорить.

— А на фига они тебе? Ты ведь Дашку ищешь.

— Да. А откуда вы знаете?

— Я все знаю. Да и все об этом знают, только молчат. Когда-то я получше нее выглядела, да вот такой же довел меня и бросил. Ты-то как, отступать не думаешь? Она-то красоту свою потеряла. Тоже мне, ведьма хренова! Чему ее учили? Могла ведь жить как царица. А она все по-своему, не как остальные. Ну а ты что? Увидишь и передумаешь?

— Нет. Не передумаю. Я знаю, что она изменилась, и не боюсь этого. Специально приехал. Я не верю в ее смерть.

— И правильно делаешь. Жива она. Да только пострашнее меня выглядит. Ты что думаешь, все это так просто?

— Что просто?

— Людей лечить.

— Нет. Я знаю, как это тяжело. И знаю, что нужно бить ее надороге.

— Бить уже поздно. Она себя потеряла. Эта гадость сожрала ее изнутри.

- Ну и что! Пусть! Я все равно хочу ее увидеть!
- Увидеть, и все?
- Нет, не все. Я хочу ее забрать домой.
- Э-э, парень. Ты красивый, молодой, а она уже не та. Ты что, меня не слышишь? Я же по-русски говорю!
- Ну и что. Помогите мне ее увидеть.
- Ох, и не знаю, что делать. Сложно все это. Деревенские знаешь какие строгие?
- Знаю. Я был в деревне.
- Был, а ее не увидел?
- Нет.
- Ну Дашка, даже не вышла.
- Значит, она меня видела?
- Конечно. Ее дом третий с краю. Все мимо него проходят. А она у окошка сидит, все на дорогу смотрит.
- А почему Даша не хочет мне помочь? Не скажет, что я должен сделать?
- Нельзя ей. Если она поможет, то возврата не будет.
- Какого возврата? Почему нельзя?
- Значит, ты все же хочешь забрать ее. Спасешь. Может, она и помолодеет. Но я в эти сказки уже давно не верю.
- Что мне делать, как помочь ей?
- Сначала ступай в магазин, купи водки. Видишь, я боюсь. Помоги женщине, а потом посмотрим, может, я и научу тебя. Мне-то терять нечего.
- Хорошо, я скоро.

Я выбежал из дома и помчался на рынок. В ближайшем магазине купил две бутылки водки, посмотрел на витрину и решил взять закуски, понял, что у Танюхи в доме ничего нет. В этот момент я не думал о квартплате, экономии и билете домой. Я тратил последние деньги, цепляясь за появившийся шанс.

Купив водку и закуски, я быстро вернулся к ней в дом. Танюха встала. Рукавом сгребла со стола мусор, постелила найденную газету и предложила сесть. Нашла три стакана и попросила сбегать к колонке — помыть их и заодно набрать в пластмассовую бутылку воды — запивать. Я выпол-

нил все ее пожелания и сразу вернулся. Женщина поставила стаканы на стол и стала наливать в них водку.

— А почему три стакана? Кто-то должен прийти?

— Нет. Нас трое: ты, я и Колек.

— Я не буду.

— Будешь. Сам купил две бутылки. Вот если бы взял одну, я бы и не предложила. А раз две, придется пить, или я ничего не скажу.

В темном углу зашевелилась куча мусора, загремели бутылки, и из этого хлама вылез человек. Он тоже был одет в засаленную телогрейку.

— А вот и Колек. Знакомьтесь.

— Вадим, — негромко представился я. Куча мусора, превратившаяся в человека, что-то буркнула в ответ. Мужик принес ящик, так как в доме было всего два целых стула, и сел на него. Танюха порезала колбасу, хлеб, подняла стакан и с ухмылкой произнесла:

— За лечение.

Я тоже взял стакан, выпил смело, так как мыл его сам, но закусывать не стал. Отломил корку хлеба и глубоко занюхал ею.

— Молодец, после первой не закусываешь — или брезгуешь?

— Нет, все нормально, я недавно поел, — соврал я. В этот день я ничего ни ел. С утра, перед службой, нельзя, а потом просто забыл. Но я не стал объяснять это женщине и сделал вид сытого человека.

Мы выпили по второй, по третьей, и я понял, что брезговать не стоит, может развезти. На голодный желудок пить столько без закуски опасно.

Выпив еще, Танюха стала говорить, а ее друг Колек все время молчал. Он лишь подносил стакан и кивал головой. Через полчаса я уже знал, кто такие эти старообрядцы. Оказывается, все девочки, рождающиеся в каждый четный год, обречены быть ведьмами. Их с детства учат, рассказывают о травах и специально развивают особые способности. Всем этим процессом заведует старая Кира. Раньше старшей ведьмой была бабка Танюхи — Варвара. При ней она

жила как остальные и делала что хотела. Бабуля прикрывала любимую внучку, но когда она умерла и ее место заняла Кира, Танюху прогнали из деревни. В Бога эти люди не верили, и единственные иконы находились только в доме старосты для посторонних, чтобы ничего плохого о них не думали. Но в остальных домах все было по-другому. Танюха не стала рассказывать, в кого именно верят эти люди, она лишь намекнула, что это старая вера. До настоящего зла они, по ее словам, не доросли, но от хорошего и доброго давно ушли.

— А как же люди, которых они лечат?

— Они берут другое. Об этом я не могу говорить. А за то, что забирают у людей, всех их надо бить. Это сила страшная. Она ищет свой выход и просто так не прирастает. Все эти вылеченные рано или поздно снова к ним приходят. Это грязные целители, и людей они калечат, а не лечат. Все это для виду. Но Дашка с детства была другая. Она и кошек не любила, и собак лечила. Бывало, убежит в лес на три, четыре дня, а иногда и целую неделю там одна бродит. Ни волки, ни другие звери ее не трогают. Кира еще при ее рождении сказала, что с этой девкой трудно будет. Она разрешила ей уехать, и Семена она ей приворожила. Мужик сначала и не знал, что должен делать. Одурманили его и заставили жить с ней. Тот увидел красивую девушку, согласился, а уже через год приезжал, просил освободить его от этого, но Кира не разрешила. Вот только ты, дурак, ее отбил.

— Да, было дело. Но я полюбил ее.

— Ага, полюбил? Кто ж ведьму-то любит. Это она сама тебя влюбила. Неужто не понимаешь?

— Я догадывался об этом.

— И что думаешь дальше делать?

— Все равно заберу ее отсюда!

— Ой ли?

— Заберу! Вот увидишь! — чувствуя злость, закричал я. Возможно, это вырвалась водка, а может, измученная душа.

— Ну, ну, разошелся. Успокойся, — прикрикнула Танюха и посмотрела на сидящего рядом мужика. Колек, как

мумия, ни на что не реагировал. Я там что-то говорил, возмущался, а он, потупив взгляд, смотрел на свой стакан и молчал. Когда ему наливали водку, пил, не обращая на нас внимания.

— Ну вот, слушай,— разговорилась Танюха. — Ты их ничем не возьмешь, и девку они не отдадут. Езжай домой и забудь. А она, дура, пусть не верит в сказки.

— Что за сказки? — поинтересовался я.

— Да есть такое дело. Верят эти ведьмы, что кто-то придет и освободит их. Они не должны ему помогать. Он сам должен все сделать. Дойти до конца. Да только никто не знает, что это за конец такой. Ха-ха-ха,— рассмеялась опьяневшая женщина. — Дашка тоже верит, что ты ее спасешь от родового проклятия. А ты и вправду зачем-то приехал? Тебе могилу ее показали?

— Да.

— И ты не поверил?

— Нет.

— Надо же, а может, и вправду спасешь? Хотя одна из нас узнает, что такое человеческая жизнь. А то туда нельзя, сюда нельзя. И все давай вытягивай, выуживай. Это Дашка честная, продуктами брала, а остальные знаешь сколько просят.

— Сколько?

— Много. Им и машины, и деньги чемоданами носят. Ну, они, конечно, лечат. Даже рак лечат. Одна вон, Савкина дочь, знаешь что сделала?

— Что?

— С того света девчонку вернула.

— Как это?

— Да так. Попала девчушка под машину. Врачи в больнице сказали, все — умрет. А одна женщина отцу посоветовала в эту деревню съездить.

— Ну и что?

— Что-что. Приехала Олька, Савкина дочь, а девчонка уже померла. Ее уже в простыню завязали и в морг повезли. Тут папаша встал на колени и давай просить. Та согласилась. Набрали ванну парного молока, он его на ферме ку-

пил, все бидоны забрал, и девчонку в нем утопили. А потом Олька ее оттуда живой вытащила, так потребовала с него кучу денег и еще кое-что, — еле выговаривая, произнесла пьяная Танюха.

— Что она попросила? — волнуясь, спросил я.

— Любовницу чтоб тот привез. Да не просто шлюху, а чтобы нравилась она ему. Отец девчонки, увидев, как дочь ожила, на все согласился. Поехал в большой город, снял на трассе проститутку, привез ее в дом, напоил и отдал им — рассчитался.

— А зачем им девушка?

— Для обряда нехорошего.

— И что они, ее убили?

— Нет, пожалели. Конечно, убили, ты как думал, ведьмы они там все!

— А милиция?

— Что милиция? Кто знал ее? Кто она такая? Может, с Украины приехала, а может, из Сибири. Их, проституток, знаешь сколько гибнет натрассе?

— Слышал.

— Ну вот. Так что, парень, люди они страшные. Их все боятся.

— А вы что, не боитесь?

— Меня им трогать нельзя. Силу потеряют. Я одна из них, хоть и изгнанная. Так, иди еще за водкой. Я тебе расскажу, чего они боятся.

Я выскочил из дома Танюхи и побежал на рынок. За разговором время пролетело быстро. В поселке наступила ночь, и все магазины закрылись. Пришлось бежать на станцию в круглосуточный магазин. Набрал на последние деньги водки и закуски, я бегом вернулся к Танюхе. Видевшие меня люди смеялись, потому что я бежал, сильно спотыкаясь и шатаясь. Но водку донес и не упал. После долгой трезвой жизни и постов я сильно опьянел, точнее, ослабело тело. Голова оставалась трезвой.

Прибежав к Танюхе, я вошел в дом и увидел за столом одного Колька. Сама Танюха уже спала на своей разбросанной постели. Я не знаю, что произошло со мной. Я схва-

тил женщину за телогрейку, растолкал ее и заставил сесть за стол и рассказать мне все до конца. Увидев мое пьяное, страшное лицо, Танюха слегка протрезвела. Она поняла, что просто так я не уйду. Долго ворчала, но, увидев водку, успокоилась. Теперь разливать стал Колек. Он молча налил в стаканы и стал ждать. Танюха села, выпила и, посмотрев на меня, спросила:

— Что? Что ты хочешь узнать?

— Чего они боятся?

— Огня! Если ты сожжешь их деревню, они все отдадут тебе. Дашку и все, что попросишь. В книге ихней черной так и написано. «Придет и сожжет».

— Что, прямо вот так, огнем, все дома?

— Зачем все. Крайний подожди. Нет, лучше третий, где Дашка живет. Она выскочит, тут ты ее и хватай. А когда все выскочат, у тебя будет время смыться. Они в дорогу верят. Пока дороге свое не скажут, ничего делать не станут, а потом берегись. Дорога — главное для них. Пыль от ног людей — сила в дороге большая. По ней все ходят, и она все терпит. Всю гадость на ней оставляют, а дорога даже не изменяется. Когда дом загорится, все на дорогу лягут. Спасаться станут. Наливай, Колек. Все равно этот парень ничего не сможет.

— Почему вы так думаете?

— Так ведь дни твои сочтены. Они знаешь что сделают? Как только ты домой уедешь, пошлют к тебе кого-нибудь из своих. И все. Не жалец ты. Так что лучше сжигай и не бойся тюрьмы.

Колек налил по целому стакану, и я, чувствуя возбуждение, проглотил водку, словно воду.

— Мы с Колькой, — продолжила Танюха, — сами хотели сжечь их и деньгизабрать.

— А вы не боитесь мне все это рассказывать?

— Нет. Если сделаешь, так сделаешь, а не сможешь, все это в могилу унесешь.

— Нет уж, я еще пожить хочу.

Колек снова налил по полному, и я, выпив, почувствовал новый прилив сил. Танюха упала со стула и уснула на

полу, а Колек еще держался. Почти час мы молча смотрели друг на друга и выпивали. Теперь он наливал по половине, но и этого хватило, чтобы потерять над собой контроль. Я долго не мог решиться попросить у него канистру с бензином, поэтому сидел молча. Но мужик, хоть и был пьяным, понял меня.

Неожиданно Колек встал и принес из сарая канистру с бензином и несколько самодельных факелов. Он действительно подготовил все для того, чтобы устроить пожар, но не воспользовался. Возможно, ему просто не хватило духа.

Мы выпили еще и еще. Я стал рассказывать молчаливому собеседнику о своей жизни, а он только молчал. Мы пили водку, и она выворачивала из меня все, что наболело.

Танюха храпела на полу, Колек долго терпел меня, но потом резко встал и, качаясь, ушел в свой угол с хламом.

Я остался за столом один. Сидел и представлял себе этих людей, которые из-за дикого обряда убивают проституток.

Потом вспомнил девочку. Как они смогли вернуть ее с того

света. Нет, я не поверил в это, но непонятная мне злость родилась в душе и овладела всем телом. В ночной тишине

улицы я услышал, как у соседнего дома остановилась машина. Выглянул в окно и узнал знакомого таксиста-пенсионера.

Схватил канистру с факелами и, выскочив на улицу, стал что-то говорить ему. Егорыч, увидев, что я сильно

пьян, вызвался отвезти меня домой. Я сел в машину, и мы уехали от дома Танюхи. Проехав рынок, я снова стал уго-

варивать Егорыча отвезти меня к лесу. Он не выдержал, плюнул и, развернув машину, повез меня к лесной дороге.

В лес Егорыч, как и прежде, заезжать не согласился. Высадил меня у дороги, и я, пообещав рассчитаться позже,

качаясь, поплелся с канистрой и факелами под мышкой в деревню ведьм.

О чем я думал, вспомнить трудно. Но какие-то отрывки всплывают в памяти: сначала я шел и матерился. Никогда

я раньше не произносил столько грязных слов, а тут они вырвались из пьяной головы. Затем, почувствовав кипение злости, бежал, спотыкался, падал, ругался, вставал и

снова бежал вперед. Грозные темные ели, стоящие по обо-

чине, казались мне великанами, но я не боялся их и хотел сжечь все вокруг. Я часто сходил с дороги и попадал в курстарник, запутавшись, долго стоял и думал, в какую сторону идти.

Кое-как я добрался до деревни. Лесная дорога закончилась, и я увидел первые дома. Остановился, облил бензином примотанные тряпки на факелах и стал искать спички. Поджечь было нечем. Я сел на дорогу и стал орать. Возле меня появились несколько теней. Улица в деревне не была освещена. У них вообще не было электричества. Появившиеся тени о чем-то говорили. Они не видели в темноте, что у меня за спиной канистра с бензином, а я продолжал орать:

— Мужики, дайте спички!

Удовлетворив просьбу сильно пьяного человека, не подозревая об опасности, одна из теней вытянула вперед руку с коробком. Я схватил его, сгреб факелы с канистрой в охапку и убежал к лесу. Люди остались на дороге и не побежали за мной. Я зажег первый факел, вытянул руку вперед и, пряча за спиной канистру и несколько палок с тряпками, облитые бензином, подошел к ближайшему дому.

— Даша, выходи, или я тут все сожгу!

Никто не ответил, тени, что вышли на дорогу, отошли в сторону. Не помню почему, но я не чувствовал опасности и считал, что делаю все правильно. Непонятная сила вела меня, и я подчинялся ей.

— Не хотите выходить? Ничего, сейчас выскочите! — снова заорал я.

Поджег еще один факел и бросил его на дорогу. Факел упал на дорогу с горящими брызгами. Вся дорога вокруг меня запылала: на ней горел бензин, разбрызганный от мокрой тряпки. Я услышал в домах голоса, но никто не выходил. Я увидел горящую дорогу, и злость во мне закипела с большей силой, я почувствовал уверенность и решил сжечь всю эту деревню. Поджег еще один факел и бросил его на крышу. Дом вспыхнул, как соломенный стог. Во мне появился азарт, и я пошел ко второму и третьему дому. Встал между ними. С дороги расстояние до каждого из них

было в несколько шагов. Я открыл канистру и стал обливать бензином дома, заборы, двери и все, что попадалось под руку. Стены и крыши вспыхнули. Из домов стали выбегать люди. Они падали на дорогу там, где не было огня, и громко повторяли одни и те же слова, похожие на молитву. Я вспомнил, о чем говорила Танюха. Эти люди молились на дорогу. Ко мне подбежала старуха в черном платье и встала прямо передо мной.

— Бабка, уйди, а то сожгу!— крикнул я. Но в ответ услышал спокойный знакомый голос.

— Вадик, это я.

Руки и ноги онемели, я почему-то аккуратно поставил в сторону канистру, затоптал ногой горящий факел, схватил ее за руку и потащил по дороге через лес. На трассе остановил грузовик. В кузове мы доехали до станции. Я привел Дашу домой, запер дверь, подпер ее комодом и от усталости упал на кровать. Даша подошла ко мне и, погладив по голове, спокойно произнесла: «Отдыхай». После этого я сразу уснул.

Ночью проснулся оттого, что услышал шум в кухне. Встал, посмотрел, никого дома не было. Лег и попытался уснуть, но сон не приходил. Я закрывал глаза и дремал. Сон постепенно стал обволакивать тело. Но в этой дреме я увидел, как надо мной что-то летает, непонятная тень. Я открывал глаза и всматривался в нее. В темноте тень пряталась, прижималась к темной стене или сжималась в углу. Не выдержав, я встал, включил свет — никого не увидел. Снова лег. Голова закружилась. Я чувствовал, что еще пьян и алкоголь не вышел из меня. Может, через полчаса, а может, через час я успокоился и уснул. Летающая тень исчезла, но под утро я боялся открыть глаза. Мне казалось, что эта тень висит надо мной и ждет, когда я проснусь и увижу ее. Я держался, изображал, что сплю. Через закрытые глаза чувствовал, видел ее присутствие. И хотя на улице наступил день, черная тень не ушла, она, словно палач, ждала моего пробуждения.

Православная жена

Проснулся я утром от сильной головной боли: не мог оторвать головы от подушки. Кое-как встал, дополз до кухни и, открыв воду, стал жадно пить ее. Умылся, сел на холодный кафельный пол и, закрыв лицо руками, подумал: «Что я наделал? Наверное, вся деревня сгорела? А может, сгорели и люди! Это ж надо было так напиться!» Затем посмотрел по сторонам, но ничего особенного не заметил. В квартире стояла тишина, и лишь через открытую форточку доносились голоса играющих у дома детей. Вокруг меня было все как прежде, и даже комод стоял на своем привычном месте.

Неужели мне все это приснилось? Напился с Танюхой и увидел в бреду, что сжигаю деревню? А если нет? Где Даша? Неужели убежала? Но как я домой добрался? Еще эти ночные кошмары. Это все от водки: галлюцинации, бред. Танюха, тоже мне, пьяница, наврала ерунды. Проститутку они в жертву принесли, девочку с того света вернули. Надо же! Как я только поверил в это? Пьяный был, расстроенный. В таком состоянии в любую чушь поверишь. Живут себе люди в деревне, не желают принимать этот грязный мир. У них своя чистота, своя вера и свои внутренние отношения. А я полез к ним. Дурак! Кто я такой, чтобы вмешиваться?

Но Даша — может, она и правда умерла, и мне стоит уехать и забыть. Хорошо, если это пьяный бред, а если нет? Если я на самом деле вчера как безумный бегал с факелом? Ужас! Посмотрела она на меня и поняла, что с таким, как я, жить нельзя. Раньше со мной такого не случалось. Все это нервы — довел себя, алкоголиком стал. Накипело в душе, набралось столько негативной энергии, и она нашла свой выход. И никакой мистики в этом нет: огонь, дорога, обряд сжигания-очищения — все это выдумки. Если все произошло на самом деле, то люди, увидев, на что я способен, поняли — этот не уйдет и не отступит. Они знали, что я не поверил в смерть любимой, но сомневались во мне. Увидев смелого человека, пусть и пьяного, решили отпустить Дашу и избавиться от обезумевшего влюбленного.

Хорошо, если все так, как я думаю, а если нет? Нужно выбираться из этого состояния и начинать жить дальше.

Я лег на кровать, с головой укрылся и стал трястись. Не знаю, от чего меня трясло сильнее, от похмелья или от страха. В коридоре щелкнул замок. Я подумал, что пришел хозяин квартиры. Этот мужичок, Ваня, тоже любил поддать и часто предлагал мне.

— Иван!— крикнул я.— Принеси похмелиться.

Но ответа я не услышал. Через минуту выглянул из-под одеяла и увидел Дашу. Она стояла и смотрела на меня. Ее лицо было серьезным, а глаза горели непонятым огнем. Я вспомнил этот взгляд, точно так же она смотрела на меня там, возле кладбища, когда между нами в первый раз все произошло. Даша была одета как монашка: во все черное. Ее волосы были убраны, а губы стали узкими: сжимались, наверное, от злости. Нос вытянулся, и ее милая курносость исчезла. Но и в этой внешности что-то особенное осталось. Она не могла спрятать любовь, ее лицо не было похоже на лицо старухи. Для меня она просто выглядела измученно и устало. Я как-то сразу смирился с этим и не разглядывал морщины, а смотрел в глубину ее красивых глаз. Моя любовь обнажала ее нежную и добрую душу. Я видел ее такой, как мне этого хотелось, — как раньше. Возможно, я убедил себя в этом сам, но я не стал сопротивляться и поверил внутреннему голосу, который напоминал о былой красоте.

«Да. Значит, все, что вчера случилось, — правда?»— подумал я и, спрятавшись под одеяло, продолжал трястись. Руки сводили судороги, а ноги то немели, то холодели. В душе стояла непонятная грязь, размешанная страхом. Меня мутило, я хотел убежать в туалет, но боялся вылезти из своей крепости.

— Как чувствуешь себя?— спросила Даша.

— Плохо.

— Я принесла бутылку, похмелись. Станет легче, поешь.

Даша пошла на кухню и достала из пакета бутылку водки, хлеб, полбатона колбасы и литровую банку с борщом.

— Ты когда ушла?— хрипя, спросил я. Даша вернулась в комнату и спокойно ответила:

— Ночью. В этом доме на первом этаже женщина одна живет, Валя. Я у нее на диване переночевала.

— Испугалась меня пьяного?

— Нет. Просто решила не беспокоить. Мало ли что могло ночью произойти? Ты, видать, водки паленой напился. Это технический спирт, от него такие видения случаются, что здоровые люди в психушку попадают. К тому же я была в квартире этажом ниже. Ночью слышно, кто встает и ходит. В этом доме стены картонные. Если бы ты поднялся и открыл дверь, я бы тоже вышла.

— Что, спала одетая?

— Да.

— А я что, вообще не вставал?

— Нет. Ворочался, кричал, но не поднимался. Я бы услышала.

— Значит, все эти летающие тени приснились мне. А комод кто убрал?

— Комод убрала я. Ты, когда пришел, все разбросал и упал пьяный спать. Я рано утром приходила, убралась. Заглянула в холодильник, но еды в твоём доме не нашла. Сходила в магазин да вот у Вали борща взяла. Тебе обязательно поесть надо.

— Я постился все эти дни.

— Молодец. Это хорошо, для здоровья полезно. Вставай, не нужно валяться. Так еще хуже будет.

Я поднялся с кровати, надел джинсы, майку и, качаясь, побрел на кухню. Сел за стол и, открыв бутылку, налил полстакана водки. Отдышался и залпом влил ее в себя. Водка немного постояла в душе и попросилась обратно. Я еле успел в туалет.

— Ничего, не волнуйся, это случается, — успокоила меня Даша.

— Раньше со мной такого не было. Да и до такой степени я не напивался, чтобы душу выворачивало.

Я снова сел за стол и через силу выпил еще раз. Вторая доза, как говорится, прижилась. Через десять минут я почувствовал, как мне стало легче: руки перестали трястись, а в голове исчезла боль и непонятный шум.

— Ну и что дальше? — спросила Даша.

— Поехали домой, — скулящим голосом предложил я.

— Поехали, — улыбнувшись, согласилась она.

— А как же деревня?

— Я на станции видела наших мужчин. Они все уехали с этого места. А пожар потушили быстро, не волнуйся.

— Никто не сгорел?

— Нет. Обошлось. Ну что, я буду вещи собирать?

— Какие вещи? Одна сумка. Сейчас другое важно: где деньги взять? Нужно с хозяином рассчитаться и билеты купить. Денег у меня нет — последние пропил вчера.

— Это плохо. Я тоже ничего из дома не взяла. На бутылку и колбасу у Вали заняла.

— Ничего. Что-нибудь придумаем. Можно тетке телеграмму послать, она вышлет.

— Нет, тетю Шуру лучше не беспокоить пока.

Я посмотрел на бутылку и подумал:

— Не знаю, хорошо это или плохо. Искал спасения в церкви, а поступил как последний грешник: напился, буянил, дома сжег.

— Ты не переживай. Твой грех вовсе и не грех. Раньше инквизиция ведьм сжигала, и ничего, все нормально. Никто не погиб, а то, что дома обгоревшие бросили, так это оттого, что вера у этих людей своя — нельзя им теперь на этом месте жить. Их боги будут недовольны.

— Получается, я вашу землю осквернил?

— Нет. Это как посмотреть, скорее очистил.

— У этих людей? А ты что, не одна из них?

— Теперь нет. Ты с огнем пришел. Они меня отпустили. Кто его знает, что у тебя на уме было. Если бы ты старуху Киру сжег, то сам бы стал старшим, и они бы все за тобой ходили. Селились, где ты живешь, работали рядом и выполняли все твои слова и приказы. Ее бы сила к тебе перешла. Но ты лишь напугал их, сжег дорогу, два старых сарая и подпалил дома. Все, в этом месте им жить теперь нельзя. Дорога для них — что-то вроде иконы. А меня они сами попросили успокоить тебя. Кира сказала: «Иди. Если он тебя заберет, оставайся с ним и больше не возвращайся. Главное,

уведи его отсюда, пока он чего страшного не натворил». Я подошла к тебе, а дальше ты и сам, наверное, помнишь.

— Помню, увез тебя на грузовике.

— Да, но это уже на трассе, а до этого по лесу тащил, чуть руку не оторвал.

— Ну извини. Ответь мне честно: ты так быстро от них отказалась? Почему они стали тебе чужими? Ведь среди них живут твои родственники?

— Я и раньше не воспринимала весь этот ужас: их мир, веру. С самого детства жила в этой деревне через силу. Смогла уйти, но пришлось вернуться.

— А зачем весь этот цирк с похоронами?

— Так нужно было. Я должна была для тебя умереть. Ты прошел через это и вернул меня, не поверил в смерть. Все как в писании. Один старый пророк много лет назад написал об этом. И ты прошел по этапам обряда.

Я выпил еще. Поел и попросил Дашу заварить крепкого чая.

— И ты поверила в эту сказку?

— Ну так все же сошлось!

— Ты хочешь сказать, что твой дар предвидения подсказал, что я смогу пройти через все это?

— Да.

— А ты хоть любила меня?

— Хочешь верь, хочешь нет, но любила. Мне всегда нравились толстые добрые люди. А теперь ты похудел и стал немного злой. Но я думаю, это пройдет.

— Конечно, пройдет. А сейчас любишь?

— Хочешь правду?

— Да.

— Ты стал не просто любимым, ты стал героем — моим героем. Я...— Даша подошла ко мне, сорвала с себя свой дурацкий платок и, наклонившись, поцеловала в губы. Этот долгий поцелуй был так сладок, что я тут же схватил ее, поднял на руки и понес в комнату.

Весь день и всю ночь мы наслаждались друг другом. Я не мог оторваться от нее. Ее потемневшая кожа, мешки под глазами и морщины не пугали. Я смотрел на ее лицо лю-

бющим взглядом, и она увидела это. Вся ее появившаяся старость была незаметна в темноте. Я видел ее такой, как раньше, и чувствовал, в каком ритме бьется ее сердце. Ко мне вернулась любовь. Все зажатые в тиски чувства вырвались на свободу.

Утром пришел хозяин квартиры. Я попросил его немного подождать с оплатой. Иван долго не уходил и ворчал, но, получив недопитую бутылку, успокоился. К обеду я решил пойти в церковь. Отец Тихон встретил меня и стал рассказывать о том, как старообрядцы в одно утро собрались и уехали. Всех в поселке это напугало. Я решил рассказать священнику всю правду. Он внимательно выслушал, пару раз усмехнулся, покачал головой и произнес:

— Хвалить я тебя не стану, но в церковь на вечернюю службу приглашаю. Причем не одного, а вместе с ней. Если она ушла от них и разорвала все связи, пусть смело приходит — кается, грехи свои замаливает. Ты ей об этом так и скажи.

Я вернулся домой и рассказал об этом Даше. Она, ничего не ответив, отвернулась и стала смотреть в окно. Простояла так почти час, а потом повернулась и решительно произнесла:

— Хорошо, я пойду, раз ты просишь. Но я некрещеная.

— Все мы дети Бога. Если ты почувствуешь себя в церкви плохо — уйдем, и я больше не стану просить об этом. Но отец Тихон знает, кто ты. Он сказал, чтобы ты пришла и попросила у Бога прощения за свои поступки — раскаялась. А со временем, если все будет хорошо, ты сама придешь к Богу и захочешь покреститься.

— Хорошо. Я докажу, что старая жизнь кончена — я совсем другая, свободная. Я больше не боюсь ни людей, ни церкви.

Вечером мы отстояли службу. Даша несколько раз оборачивалась, смотрела на прихожан, думая, что ее узнали, но люди спокойно молились, не обращая на нее внимания.

После службы я подошел к отцу Тихону и поблагодарил его. Даша вышла из церкви, и я увидел улыбку на ее постаревшем, усталом лице.

На следующий день я обратился к отцу Тихону и, объяснив положение, попросил денег на дорогу. Он помог, дал столько, что я смог расплатиться за квартиру, с Егорычем и купить билеты.

Через два дня мы вошли в мою городскую квартиру. Я снял с книжки оставшиеся на крайний день деньги и, сходя на рынок, накупил продуктов. Тетке моей мы решили пока не сообщать. Даша все же продолжала верить в приметы и попросила месяц никому ничего не рассказывать. Жизнь пошла своим чередом. Я не обращал внимания на ее постаревшее лицо и даже привык к нему. Даша нашла в шкафу все свои вещи, несколько раз все померила и сложила обратно. У нее никогда не было нарядных платьев и туфель на шпильках. Семен ее этим не баловал, и я оказался первым, кто открыл для нее весь этот мир.

Через неделю я стал искать работу и, ни на что не рассчитывая, позвонил на старую работу. Директор, услышав мой бодрый голос, обрадовался и предложил вернуться.

Через три дня я окупился в привычный ритм жизни. Даша ждала меня дома, что-то готовила и всегда удивляла. Через месяц я получил зарплату, и мы снова пошли по магазинам. Как начальник отдела я получал хорошо и в первом же магазине купил ей колечко. Даша долго не могла надеть его, но потом все же решилась. Размер продавец угадал точно. Она целый вечер ходила по комнате. Любовалась тем, как смотрится на ее руке кольцо с маленьким сверкающим фианитиком.

Отцу Тихону я сразу отправил долг и послал телеграмму с благодарностью. А еще попросил его помочь Танюхе, чтобы она не спилась окончательно. В поселке долго говорили о том, что произошло. Люди не знали, а неизвестность — самое страшное. Многие боялись, но отец Тихон всех успокоил, он по-своему объяснил, почему эти люди уехали. Прихожан он попросил ни во что не верить и не слушать слухи. Объявил, что выслушает каждого и развеет все сомнения. Но к тому времени мой поступок стал известен всем. Поселок как деревня — все друг друга знают, ничего не скроешь. Трудно спрятать какую-нибудь новость

от вездесущих старушек. А мы решили в первый же отпуск съездить в этот поселок и поблагодарить еще раз всех, кто помог нам.

Через месяц к нам неожиданно приехали двое мужчин из деревни, где родилась Даша. Они привезли крупную сумму денег и рассказали, что это часть ее наследства из общей кассы общины.

Даша много раз рассказывала, как именно зарабатывали ведьмы деньги. Ничего в этом особенного не было — как все целители. Но люди выдумывали про них всякие небылицы, а если что и случалось в их деревне, все объясняли только одним — ведьмы специально все подстроили. Говорили, что они одно лечат, а другое калечат. Придет человек с больной ногой. Ведьма ему ногу вылечит и сама же порчу наведет. Он через неделю опять к ней. Она порчу снимет и руку испортит. И человек опять через неделю идет к ней руку лечить. Верит, что здоровье его слабое и он совсем больной. Старушки из их деревни всегда помогут, травки лечебной с поля дадут, успокоят. Все наговаривали, но сами же и приходили. И деньги, и продукты несли. У кого что было, тем и платили. Никому специально большие суммы не назначали. За всю свою жизнь Даша не вспомнила ничего, о чем я слышал. А люди все равно как будто специально злыми словами расплачивались. Говорили, вот человек висит у них на крюке, пока у него деньги есть, а как деньги кончатся, он по привычке по больницам начинает ходить и сам в себе болезни находит: верит в них и болеет без конца. А про тех, кто уезжал из деревни, такое выдумывали, что они, пока молоды, к людям уходят в города, чтобы силы набраться. Даша ведь тоже уехала, но не разбогатела. Она больше растрчивала себя: лечила от души. Верила, что может помочь, и хотела вырваться из их родового плена. Я однажды спросил ее о том, что рассказывала мне Танюха. Даша ответила, что в это время уже не жила в деревне, но такого быть не могло. С того света никого не вернешь, если человек по-настоящему умер. А то, что приют давали, так это правда. Люди приходили к ним убогие, больные. Они никого не прогоняли, а то, что

люди эти умирали, так это оттого, что много водки пили и работать не хотели. Приютили бомжа и проститутку, а потом несчастный случай случился. Отчего? Оттого, что люди жить не хотели и все время пьяные ходили. Сколько пьяных и больных по стране гибнет? Что, во всех смертях ведьмы виноваты? Я согласился с ней, ведь правда, такие люди долго не живут. В городе или поселке на них не обращают внимания — умер человек, его милиция увезла, и все забыли. А в деревне об этом долго говорят, разную ерунду выдумывают. Откровенно никто их не убивал и с законом не ругался, а вот случайно всякое бывает. Рассказала, что, когда она была маленькой, к ним женщина пьяная с ребенком пришла. Женщина через полгода с обрыва упала и разбилась. Продала бидон молока, накупила водки и всю ночь в поле с мужиками гуляла. После этого ее в овраге нашли. А люди опять — ведьмы подстроили. А ее ребенок через два года тоже в речке утонул. Непослушный был, никому не верил. Говорили ему, что ключевая вода холодная ноги сводит, а он все равно в воду полез. Бабки похоронили их на старом кладбище по своим обрядам. Так после этого все вокруг только и говорили об этом. А как их еще хоронить, если они некрещеные. После таких случаев люди в поселке поговаривали, что чужие и пришедшие со стороны в этой деревне не приживаются — гибнут. А в городе людьми, что ли, становятся? Нет, то же самое, просто в городе все это незаметно. Никому нет дела, кто там за углом умер. Люди стали бояться собственных сплетен, но на самом деле боялись они себя. Сами все в грехах погрязли. А в деревне пусть и не православные люди, но зато все правила и наказания соблюдают. Старых не обижают, помогают, а молодежь воспитывают так, что люди всю жизнь спокойно живут. Она за свою жизнь не помнила, чтобы кого-то из них посадили или в чем-то обвинили. Все ее родственники не способны на это — воспитаны по-другому. А таких, как она, — умеющих лечить — всего человек пять. Остальные обыкновенные, но со своей старой верой.

Я согласился с Дашей, что они действительно сумели сохранить чистоту. А люди всегда выдумывают. Такие, как

пенсионер Егорыч, вообще в тот лес не заезжают, потому что верят в слухи. Милиция ничего доказать не может, так потому что доказывать нечего.

Услышав рассказ о людях из ее деревни, я успокоился и перестал думать о страшных и коварных ведьмах — родственницах Даши. Все это на самом деле было не так, но деньги мы все равно решили не брать. Раз порвала с этим миром — значит, все, точка, все мосты сожжены. Но мужчины о чем-то шепнули Даше, и она объяснила, что они не уедут, пока мы не возьмем ее наследство. Будут в подъезде жить, на лавочке целыми днями ждать. Уж такие они странные.

Даша честно призналась и рассказала, что в любых деньгах есть сила, грязь и смерть, а в этих особенно, потому что не заработаны они ею честно. Да и засомневалась насчет Киры. Могла старуха их приворожить. Она всегда не хотела отпускать Дашу — любила ее. Поэтому мы на всякий случай решили быть аккуратными. В деньгах ведь кроме заговора может быть не просто зло, в них человеческие испорченные судьбы. Это — такого рода энергия, с которой нужно уметь обращаться. Если взял — нужно правильно очищать себя и не использовать легких денег для покупки чего-то важного. Добра от этого не будет.

Я и сам много раз замечал и слышал, что шальные и легкие деньги долго не задерживаются и утекают, как вода. Но как нам нужно было поступить с той суммой, что привезли ее родственники? Мы понимали, что эти деньги грязные и нам они не нужны. Попросили мужчин прийти с ними через три дня. Все это время мы думали, как нам быть и что нужно сделать, чтобы боль не вернулась. Я, конечно, ругал Дашу, говорил, что не нужно верить в суеверия — все это грех, но она попросила меня именно в этот раз уступить. Я согласился, но моя идея отдать деньги церкви ей понравилась. В воскресенье я сходил в церковь, как сказала Даша, взял с собой полотенце, попросил освятить его, отстоял с ним службу и принес его домой. Родственники положили деньги в полотенце, и Даша, не касаясь, вернула их. А когда пришло время отпуска, мы поехали к отцу

Тихону. Он радушно встретил нас. Мы рассказали ему об этих деньгах, и он взял их на восстановление старой церкви. Освятил святой водой, перекрестил и положил в церковную кассу.

Почему я именно в эту церковь отвез их— наверное, потому, что в тех местах денег на восстановление не так много, как в центральных городах.

Мы встретили в поселке всех знакомых и даже Танюху. Она побоялась говорить со мной, но жизнь свою изменила. Когда ей отец Тихон сказал, что я попросил его помочь ей, она сразу устроилась на работу и перестала пить. Колек так и остался с ней и никуда не ушел. Он пить не бросил, но и не напивался уже до такого состояния, чтобы жить в куче мусора.

Но все это было позже, а в то время, когда мы только приехали в городскую квартиру, после второй зарплаты я выпросил у директора выходной, пообещал, что отработаю его в следующую субботу. Шеф отпустил меня, и мы поехали в деревню.

В деревне наступила поздняя осень, и мы, как говорится, прибыли к урожаю. Деревенские, увидев нас, тут же забегали по домам с криками, что Дашка с того света вернулась, а мы счастливые шли к тетке. Она, как всегда, копалась в огороде и, увидев нас на дороге, замерла на месте. Тетя Шура сначала не знала, что ей делать, плакать или радоваться, но, увидев улыбки на наших лицах, тоже улыбнулась. Мы вошли в дом, тетя Шура стала сразу готовить и накрывать стол.

Весь вечер я рассказывал ей о своих злоключениях. Тетка то закрывала глаза от услышанного, то ойкала, то тяжело вздыхала. А когда я рассказал ей, как пьяный бежал с огнеметом, она рассмеялась. Да, мне тогда было не до смеха, я сам не понимал, что делаю, но сейчас все это выглядело смешно, как приключение. Тетя Шура, конечно, не выдержала и отругала Дашу за то, что она заставила нас так сильно переживать и мучиться. Последние слова были ужасными. Я никогда не слышал, чтобы моя родная тетка так говорила: «Ты, Дашка, смотри! Если после всего, что он

для тебя сделал и что пережил, ты хвостом завилеешь или душу мотать станешь, так я быстро все на свои места верну. Вылечу так, что больше не захочется». Даша покраснела, но тут же ответила:

— Вы простите меня за все. Не могла я поступить по-другому. И заранее рассказать обо всем не могла. Вам кое в чем призналась, но потом пожалела.

— Ладно, забыли. Что было, то было, — немного успокоившись, произнесла тетка.

Мы еще долго сидели за столом. Я выпил теткой самогонокки. Это не паленая водка, от которой утром встать невозможно. После теткой самогонокки голова не болит и душа успокаивается. Ведь делает она ее из всего природного — никакой химии.

А потом мы полезли на чердак. Тетя Шура звала нас в комнату, говорила, что холодно там сейчас спать, но мы не послушали ее. Взяли три одеяла, укутались и проспали до обеда следующего дня.

С самого утра у нас в доме толпились люди. Подруги тети Шуры приходили и спрашивали ее. Они не верили в происходящее, а тетка всем отвечала: «Рано вы ее похоронили». К обеду, когда мы сели за стол, народ повалил толпой. Все хотели увидеть Дашу, а она громко смеялась, как раньше, и люди, увидев ее счастливое лицо, уходили довольные. Одна женщина спросила, будет ли она лечить людей, и Даша громко, чтобы все слышали, произнесла, что потеряла свой дар. Променяла его на любовь. Вечером приехал на мотоцикле участковый. Он не хотел заходить в дом и долго стоял у калитки. Я вышел к нему, а он, отвернувшись, произнес:

— Извини.

— Все позади, я ни на кого не держу зла, — ответил я ему. Он повернулся и, посмотрев пристальным взглядом в глаза, сказал:

— Молодец. Надо же, нашел и вернул. Вот любовь что с людьми делает.

К нам подошла Даша. Он опустил глаза, а она засмеялась и попросила у него прощения за то, что ему пришлось

обманывать всех, а особенно меня. Участковый посмотрел на нас и, ухмыляясь, сел на свой мотоцикл, завел его и с треском уехал. Но, отъехав несколько метров, остановился, обернулся и крикнул:

— Совет да любовь! На свадьбу пригласите?

— Конечно!— ответил я. Милиционер поднял вверх руку, покачал ею и унесся на своем мотоцикле, оставляя на тихой улице клубы дыма.

Через час после него приехали врач и медсестра из поселковой больницы. Услышав новость, они взяли машину и, закрыв больницу, поехали лично убедиться в этом.

— Ничего не говори и ничего не спрашивай, — обратился врач ко мне. Потом поздоровался и, посмотрев на Дашу, произнес:

— Вот и ладно. Все хорошо. Главное, что вы снова вместе.

Марина хотела что-то сказать, но доктор сурово посмотрел на нее, и она промолчала. Взял ее за руку и увел из дома. Мы вышли на улицу проводить их. Доктор открыл дверь своей машины и резко произнес:

— Марина, садись, не мешай людям своими глупостями!

— Мужу привет,— крикнул я девушке.

— Хорошо, передам, — ответила Марина, качая от радости головой.

— Все. До свиданья, — сухо сказал доктор и сел в машину. Наклонился над рулем и, посмотрев на нас, улыбнулся. Машина загудела и уехала, посигналив нам на прощание.

Все три дня тетя Шура была счастлива, как и мы. Она бегала за нами и пыталась все время усадить за стол. А мы, как когда-то, не хотели спускаться с чердака и вспомнили молодость. Даша награждала меня любовью за то, что я смог доказать ей свою преданность, не поверил и не остановился. Дошел до конца и спас ее. Мой внутренний голос замолчал. Я несколько раз спрашивал себя: «Ну, что теперь ты чувствуешь?» И сам себе отвечал: теперь все нормально — никаких приворотов — только настоящая любовь.

После выходных мы вернулись в город, и все пошло по старому. Приближался Новый год. Однажды директор наведлся к нам в гости и почему-то вновь стал ухаживать за Дашей. Она, как и прежде, вела себя правильно и не давала никаких поводов.

Увидев все это, я подумал, неужели он не замечает ее морщин и темной кожи, но когда я вышел из кухни с бутылкой вина в зал, где они сидели, то чуть не уронил бутылку на пол. Никаких морщин и серого цвета не было. Вся прежняя красота вернулась к ней. Я просто привык и не замечал этого изменения, но директор помог мне. Именно из-за него я обратил внимание на недостатки, которые смыла любовь. Вот так все вернулось. Я благодарил Бога, этот мир за то, что мне так повезло. Мне хотелось кричать от радости и петь. А мой внутренний голос тоже был рад, и он, как какая-то тайная сила, живущая во мне, говорил: «Вот видишь — главное идти и не отставать. Верить! Настоящая вера, стремление идти вперед и любовь помогут решить любые проблемы. Да, звучит как в сказке, но наша жизнь подтверждает давно известные истины. Главное — нельзя опускать руки и стоять на месте. Если будешь ждать, никто за тебя ничего не сделает. Этот мир устроен так, что ко всему нужно идти, преодолевая трудности. А любовь, если она рождается, всегда поможет. Главное, чтобы это чувство было настоящим, не испачканное корыстью и не рожденное на беде другого человека».

А однажды, на кухне, когда я обрезался зубчатым ножом, Даша одним касанием остановила мне кровь. Я понял, что сила исцелять вернулась к ней, и спросил ее об этом. Даша честно призналась, что больше никого лечить не станет и все свое колдовство постарается забыть. Пусть люди, как и мы, не ищут легких путей и идут в церковь. Просят прощения и исцеления у Бога. Он ведь все видит и помогает. После этого мы часто ходили в церковь. А когда я понял, что от дикой и испуганной ведьмы ничего не осталось, предложил ей совершить таинство Крещения. На следующий год после Пасхи Даша покрестилась, а ле-

том мы обвенчались и гуляли свадьбу в деревне. Я пригласил туда всех своих сослуживцев и друзей.

Вся деревня готовила эту свадьбу. Накрыли длинные столы, пригласили ансамбль, и все это происходило на поле за нашим домом. Все городские приехали как туристы, а деревенские оделись как городские. Два дня с утра до вечера люди гуляли, а мы иногда прятались на чердаке и наблюдали оттуда за весельем. На второй день приехал Семен. Откуда он узнал, я не знаю. Кто-то, видимо, сообщил ему заранее. Он приехал не один: с женой и маленьким сыном. Все порадовались за него. Мы хотели о чем-то поговорить, но в этом круговороте веселья нам так и не удалось остаться вдвоем.

Люди еще гуляли несколько дней, кто-то из парней даже подрался из-за девушки. Даша увидела это и нечаянно произнесла: «Ну все как у людей». Поцеловала меня, а гости, увидев это, закричали: «Горько!»